

ЛЕВ

L E V
85, Rue Rambuteau,
75001 Paris.

„Кавказскій плѣнникъ“.

Такъ весело было въ саду! Цвѣла черемуха, высоко въ воздухѣ вздымая пѣнистыя гроздья цвѣтовъ. Сережки на березахъ уже отцвѣли, но сквознымъ кружевнымъ шатромъ зыбилась на вѣтру молодая, еще изумрудная листва. На старой лиственницѣ у пристани по всѣмъ липамъ свѣжо зеленѣли пучками мягкія иголочки, и между ними алыя точки — цвѣтъ. На клумбѣ темными сморчками повылѣзли изъ теплой земли еще не развернувшіеся листья піоновъ. Воробьи стайками перелетали съ клена на березу, съ березы на крышу сарая: кричали, кувыркались, дрались, — просто такъ отъ избытка жизни, какъ дерутся школьники, разбѣгаясь по домамъ послѣ уроковъ. Надъ скворешницей, какъ приклеенный, сидѣлъ на кленовой вѣткѣ скворецъ, смотрѣлъ на солнце, на веселую рябь рѣченки... Въ такой чудесный день никакія хозяйственныя заботы въ

птичью голову не шли. А вдоль рѣшетчатаго забора, отдѣлявшаго садъ отъ сосѣдней усадьбы, бѣшенно носились псы: по ту сторону, распластавшись почти до земли, шеколадночерная такса, по эту — дворняжка Тузикъ, лохматая сѣрая муфта съ хвостомъ въ видѣ вопросительнаго знака... Добѣгали до края ограды, поворачивались и стремительно мчались назадъ. До тѣхъ поръ, пока, высунувъ языки, въ изнеможеніи не падали наземь. Бока ходили ходуномъ, глаза весело перемигивались. Мчаться впередъ... Большаго собачьяго удовольствія вѣдь и на свѣтѣ нѣтъ!

Внизу, за еще сквозными кустами сирени, покачивалась на Крестовкѣ пристань. Мало кто изъ петербуржцевъ зналъ, что въ самой столицѣ выбѣгаетъ къ Елагину мосту такая захолустная рѣченка, омывая сѣверный край Крестовскаго острова. А рѣчка была славная... Переливалась солнечной чешуей вода. Микроскопическія рыбки оплывали хороводомъ пестрыя сваи передъ домами. Посрединѣ во всю длину тянулась узкая, обсаженная черемухой, коса. Противъ середины косы вздымался большой сарай, и желтѣлъ покатый къ водѣ спускъ: англійскій гребной клубъ. Изъ сарая шестеро тоненькихъ юношей въ бѣлыхъ фуфайкахъ и кэпкахъ вынесли длинную, длинную легкую гичку, будто пила-рыба на двѣнадцати ногахъ купаться пошла. Спустили лодку на воду, усѣлись и понеслись къ Елагину острову, плавно, въ тактъ гребли, откатываясь на подвижныхъ сидѣньяхъ назадъ для новаго взмаха... Сынъ прачки, помогавшій матери на берегу укладывать бѣлье въ корзину, посмотрѣлъ вслѣдъ и самъ себя отъ удовольствія ногой лягнулъ.

У пристани, внизу, отчаянно скрипѣла на цѣпочкѣ и шлепалась о воду лодка. Да и какъ ей было не скрипѣть и не шлепать, когда тройка озорныхъ мальчишекъ перелѣзла по отмели черезъ заборъ, забралась въ лодку и изо всѣхъ силъ стала ее раскачивать. Вправо — влѣво, вправо — влѣво... Вотъ-вотъ краемъ зачерпнетъ воды до самаго борта!

Плывшій на плоскодонномъ челнѣ старичекъ въ малиновомъ гарусномъ шарфѣ лѣниво шарилъ глазами по прибрежнымъ кустамъ. То тамъ, то сямъ покачивались прибитыя къ берегу полѣнья, чурбашки, либо обломки досокъ... Старичекъ подтягивалъ багромъ добычу, укладывалъ поперекъ челна и медленно шлепалъ по водѣ дальше... За-

смотрѣлся на далекія старыя ветлы вдоль окраинной дороги Елагина острова, послушалъ, какъ на мостикѣ справа гудятъ копыта, скрестилъ руки и весла и позабылъ про свои дрова.

А въ Крестовку съ Невы вплыла новая компанія; писаря съ гармошками, дѣвушки съ цвѣтными, похожими на дѣтскіе воздушные шары, зонтиками... Легкая пѣсенка подъ переборъ веселыхъ ладовъ прокатилась по рѣчушкѣ, легкія волны свѣтлыми горбиками поплыли къ берегамъ. Скворецъ въ саду на кленовой вѣткѣ внимательно склонилъ голову: знакомая пѣсня! Въ прошломъ году онъ ее здѣсь слышалъ, — не та-ли самая компанія въ лодкахъ проплываетъ?..

Всѣмъ было весело въ этотъ весенній день: воробьямъ на крышѣ сарая, таксѣ и дворняжкѣ, отдыхавшимъ у воротъ послѣ гонки вдоль забора, неизвѣстнымъ мальчишкамъ въ привязанной лодкѣ, молодымъ англичанамъ, выплывавшимъ на гичкѣ къ Стрѣлкѣ, п сарямъ и дѣвушкамъ на Крестовкѣ. Даже чья-то старая-старая бабушка, отдыхавшая по ту сторону сада въ плетеномъ креслѣ на балконѣ, подставляла легкому вѣтру ладонь, шевелила пальцами и улыбалась: такъ мирно блестѣла сквозь зеленѣющія вершины рѣка, такъ плавно звучали на рѣкѣ голоса, такъ бодро, отставивъ генеральскій хвостъ по вѣтру, шагалъ по двору рыжій пѣтухъ мимо самаго носа распластавшейся на тепломъ бревнѣ кошки...

* * *

Въ длинномъ, примыкающемъ къ саду флигелѣ тоже было радостно и уютно. Въ кабинетѣ на письменномъ столѣ сидѣлъ рыжій котенокъ и, удивленно прислушиваясь, потрогивалъ лапкой басовую струну мандолины. Въ шкафу кротко блестѣли золотыми буквами корешки книгъ. Онѣ отдыхали... А на стѣнѣ, надъ старымъ, похожимъ на мягкую гитару, диваномъ висѣли портреты тѣхъ, кто книги эти когда-то написалъ: курчавый, благосклонный Пушкинъ, сѣдые, бородатые Тургеневъ и Толстой, гусаръ Лермонтовъ съ вздернутымъ носикомъ... Въ ясный цвѣтъ синекубовыхъ обой были выкрашены и двери и рамы. Вѣтеръ сквозь форточку вздувалъ тюлевую занавѣску, будто

парусъ надувалъ.. Ему вѣдь все равно, лишь бы забавляться. Чужеземный фикусъ подымалъ свѣжевымытые листья къ окну, заглядывалъ въ садъ; „какая у нихъ тутъ въ Петербургѣ весна?"

За отдернутой портьерой виднѣлась милой терракотовой окраски столовая. На карнизѣ кафельной печки сидѣла пучеглазая, румяная Матрешка: одна нога босая, точно обсосанная, другая — въ роскошной бархатной валенкѣ. Сбоку дремалъ дубовый буфетъ съ верхнимъ этажомъ на львиныхъ лапахъ. За гранеными стеклами блестѣлъ прабабушкинъ чайный сервизъ, темноголубой въ золотыхъ виноградинахъ. Вверху бились вдоль окна молодыя весеннія мухи, волновались, искали выхода въ садъ. На овальномъ столѣ лежала дѣтская книга, раскрытая на картинкѣ. Раскрашивали ее, должно быть, дѣтскія руки: кулаки у человѣковъ были синіе, лица — зеленыя, а курточки и волосы тѣлеснаго цвѣта, — иногда вѣдь такъ пріятно раскрасить совсѣмъ не такъ, какъ въ жизни полагается. Съ кухни доносился веселый, дробный стукъ сѣчки: кухарка рубила мясо для котлетъ и въ тактъ стуку и тиканью стѣнныхъ часовъ мурлыкала какую-то котлетную польку.

Передъ закрытой стеклянной дверью, ведущей изъ столовой въ садъ, стояли, прижавъ къ стеклу носы, двѣ дѣвочки, двѣ сестры. Если бы кто изъ сада на нихъ взглянулъ, сразу бы увидѣлъ, что только имъ во всемъ саду и домѣ въ этотъ солнечный весенній день было грустно. У старшей Вали даже слезинка блестѣла на щекѣ, вотъ-вотъ капнетъ на передничекъ. А младшая, Катюша, надутая-пренадутая, сердито смотрѣла на скворца, сдвинувъ пухлыя брови, — точно скворецъ ея куклу клюнулъ или черезъ форточку пышку съ макомъ унесъ.

Дѣло, конечно, не въ пышкѣ. Только что прочли онѣ въ первый разъ въ жизни, страницу за страницей по очереди „Кавказскаго плѣнника" Толстого и разволновались ужасно. Разъ написано, — значитъ настоящая правда. Это вѣдь не дѣтская сказка про Бабу-Ягу, которую, можетъ быть, взрослые нарочно выдумали, чтобы дѣтей пугать...

Старшихъ никого не было: мама уѣхала на крестовской конкѣ на Петербургскую сторону за покупками, отецъ въ банкѣ — на службѣ Кухарка про „Кавказскаго плѣнника" разумѣется не знаетъ, няня въ гости укатила, кума у нея именинница... Можно было бы нянѣ все своими словами пересказать, у нея вѣдь сынъ фельдфебелемъ на Кав-

казѣ служитъ, письма ей пишетъ. Можетъ быть, она отъ него узнаетъ: правда-ли? мучаютъ-ли такъ людей? Или когда-то мучили, а теперь запрещено?..

— Что-жъ, всетаки удралъ онъ въ концѣ концовъ благополучно, — сказала со вздохомъ Катюша.

Ей уже надоѣло кукситься, — день былъ такой свѣтлый. И разъ окончаніе хорошее, значитъ, не стоитъ особенно и горевать.

— Можетъ быть, Жилинъ потомъ со своими солдатами устроилъ засаду и поймалъ въ плѣнъ тѣхъ самыхъ татаръ, которые его мучили... Правда?

— И больно-пребольно велѣлъ ихъ высѣчь! — обрадовалась Валя. — Крапивой! Вотъ вамъ, вотъ вамъ! Чтобъ не мучили, чтобъ въ яму не сажали, чтобъ колодокъ не надѣвали... Не кричать! Не смѣть кричать... А то еще получите.

Впрочемъ, Валя сейчасъ же и передумала:

— Нѣтъ, знаешь, сѣчь ихъ не надо. Жилинъ бы только презрительно посмотрѣлъ на нихъ и сказалъ: „Русскіе офицеры великодушны... Маршъ! На всѣ четыре стороны. И зарубите себѣ на вашемъ кавказскомъ носу... Если вы еще разъ посмѣете сажать русскихъ въ яму, я васъ всѣхъ отсюда изъ пушки, какъ... капусту порублю! Слышите вы!. Татарской же дѣвочкѣ Динѣ, которая меня лепешками кормила, передайте георгіевскую медаль и вотъ эту русскую азбуку, чтобъ она русской грамотѣ научилась и сама могла-бы „Кавказскаго плѣнника“ прочесть. А теперь вонъ съ моихъ глазъ!

— Вонъ! — закричала Катюша и топнула каблучкомъ въ полъ.

— Постой, не кричи, — сказала Валя. — И вотъ, когда она научилась читать по-русски, она тихонько удрала къ Жилину... И потомъ крестилась... И потомъ вышла за него замужъ...

Катюша даже взвизгнула отъ удовольствія, такъ ей понравился такой конецъ. Теперь, когда онѣ расправились съ татарами и такъ хорошо устроили судьбу Дины и Жилина, имъ стало немного легче... Онѣ надѣли калошки, вязаныя кофточки, еле-еле открыли вдвоемъ набухшую дверь и вышли на крыльцо.

Неизмѣнный адъютантъ Тузикъ, виляя косматымъ хвостомъ,

подбѣжалъ къ дѣвочкамъ. Сестры спрыгнули съ крыльца и пошли по влажнымъ дорожкамъ вокругъ сада. Нечего, въ самомъ дѣлѣ, разбойникамъ потакать!

* * *

Въ углу сада, у старой заброшенной оранжереи, дѣвочки остановились надъ ямой. На днѣ горбомъ лежали прошлогодніе, слежавшіеся листья... Онѣ переглянулись и поняли другъ друга безъ словъ.

— А гдѣ-жъ мы плѣнныхъ возьмемъ? — спросила младшая, съ наслажденіемъ втискивая въ глину каблукомъ пустой вазонъ.

— Мишку посадимъ...

— Ну, конечно! А кто будетъ Диной?

— Я.

— Нѣтъ, я!..

— Нѣтъ, я!..

Сестры подумали и рѣшили, что спорить не стоитъ. Конечно, лучше быть Диной, чѣмъ свирѣпымъ татариномъ. Но сначала онѣ обѣ будутъ татарами и поймаютъ Мишку въ плѣнъ. А потомъ Валя станетъ Диной, а Катюша ея подругой, и обѣ помогутъ плѣнникамъ бѣжать Кто-жъ будетъ вторымъ плѣнникомъ, Костылинымъ?

Тузикъ угодливо завертѣлъ у дѣвочкиныхъ ногъ хвостомъ. Чего-же и искать больше?

— Ми-ша!

— Мишечка!..

— Мышенокъ!

— Чего надо? — звонко отозвался съ улицы дворницкій мальчикъ Миша.

— Играть иди!

Черезъ минуту Миша, дожевывая баранку, стоялъ передъ сестрами. Онъ былъ совсѣмъ еще маленькій, „мальчикъ-съ-пальчикъ“, въ надвинутомъ до самаго носа картузѣ и привыкъ во всемъ подчиняться дѣвочкамъ изъ флигеля.

— Во что играть будемъ?

— Въ „Кавказскаго плѣнника“, — объяснила Валя. — Да

глотай ты скорѣй свою баранку! Ты будто Жилинъ, русскій офицеръ. Ты будто изъ крѣпости къ своей мамѣ верхомъ ѣдешь. Она тебѣ невѣсту пріискала, хорошую и умницу, и имѣніе у нея есть. А мы тебя въ плѣнъ возьмемъ и въ яму посадимъ. Понялъ?

— Сажайте, что-жъ.

— И Тузикъ съ тобой. Вродѣ товарища. А лошадь подъ тобой мы застрѣлимъ.

— Стрѣляй, ладно.

Мишка сѣлъ верхомъ на прутъ и поскакалъ по дорожкѣ, взбивая копытами грязь...

— Пафъ! Пафъ-пафъ! — закричали дѣвочки съ двухъ сторонъ. — Что-жъ ты не падаешь?! Вались съ лошади; сію минуту вались...

— Не попали! — Мишка дерзко фыркнулъ, брыкнулъ ногой и помчался вдоль забора.

— Пафъ! Пафъ!

— Не попали...

Что съ такимъ непонятливымъ мальчикомъ сдѣлаешь? Сестры наперерѣзъ бросились къ Мишкѣ, стащили его съ лошади и, подгоняя шлепками, потащили къ ямѣ. Еще упирается! Что это на него сегодня нашло...

— Постой, постой! — Валя полетѣла къ флигелю и стрѣлой примчалась назадъ съ постельнымъ коврикомъ, чтобъ Мишкѣ мягче было на днѣ сидѣть.

Мишка спрыгнулъ, усѣлся. Тузикъ за нимъ, — онъ сразу понялъ, въ чемъ игра заключается.

— Чего теперь дѣлать? — спросилъ Мишка изъ ямы, утирая ватнымъ рукавомъ носъ.

Катюша задумалась.

— Выкупъ? Но Жилинъ бѣдный. И все равно обманетъ... Что съ него взять? А Тузикъ? Вѣдь онъ — Костылинъ, онъ богатый...

Дѣвочки усѣлись въ оранжереѣ на щербатой ступенькѣ и на дощечкѣ нацарапали огрызкомъ карандаша за Тузика все, что слѣдовало: „Я попался имъ въ лапы. Пришлите пять тысячъ монетъ. Любящій васъ плѣнникъ“. Дощечку мигомъ доставили

дворнику Семену, который кололъ во дворѣ дрова, и, не ожидая отвѣта, побѣжали къ ямѣ.

Плѣнники вели себя очень странно. Хоть-бы попытались удрать, что-ли... Катались весело по коврику, задравъ кверху ноги и лапы, и обдавали другъ друга охапками ржавыхъ листьевъ.

— Стопъ! — закричала Валя. — Вотъ я васъ сейчасъ рыжему татарину продамъ...

— Продавай, ладно, — равнодушно отозвался Мишка. — Какъ дальше играть-то?

— Ты куколокъ будто лѣпи и наверхъ намъ бросай... Мы теперь татарскія дѣвочки... А мы тебѣ за это лепешки бросать будемъ.

— Изъ чего лѣпить-то?

Въ самомъ дѣлѣ. Не изъ листьевъ-же. Валя опять слетала домой и принесла въ корзинкѣ плюшеваго слона, резиноваго верблюда, Матрешку, безногаго паяца и платяную щетку, — все, что на скорую руку въ дѣтской собрала. Да у кухарки выпросила три пирожка съ капустой (еще вкуснѣе лепешекъ!).

Покидали Мишкѣ игрушки, а онъ ихъ вихремъ всѣ сразу назадъ выбросилъ.

— Не такъ скоро! Чучело какое...

— Ладно. Давай лепешки!

Съ „лепешками" тоже вышло не совсѣмъ хорошо. Первый пирожокъ поймалъ на лету Тузикъ и съ быстротой фокусника его проглотилъ. Угремъ изъ подъ Мишкиной подмышки вырвался, — проглотилъ и второй... И только третій удалось передать на палочкѣ кавказскому плѣннику.

Потомъ дѣвочки, пыхтя и толкая другъ дружку, спустили въ яму длинный шестъ, чтобы плѣнники, наконецъ, удрали.

Но ни Мишка, ни Тузикъ даже съ мѣста не тронулись. Развѣ плохо въ теплой ямѣ? Надъ головой облака сквозь березки продираются, въ карманѣ у Мишки еще кусокъ булки нашелся. Тузикъ сталъ блохъ искать, а потомъ къ мальчику примостился, — на коврикѣ мягко, — и ежомъ свернулся. Куда тамъ еще бѣжать?

Кричали дѣвочки, сердились, приказывали. Кончилось тѣмъ, что сами въ яму соскочили, усѣлись съ плѣнниками рядомъ и тоже

стали на облака смотрѣть. Вѣдь могло быть и четыре плѣнника. А бѣжать днемъ все равно не полагается. У Толстого такъ вѣдь и написано: „звѣзды видны, а мѣсяцъ еще не всходилъ"... Время еще есть. И колодки надо на всѣхъ набить, — въ оранжереѣ цѣлую охапку дощечекъ нашли.

Тузикъ въ полуснѣ покорно протянулъ дѣвочкамъ лапу: „набивайте хоть на всѣ четыре... Все равно сами и снимите".

* * *

Часа черезъ два вернулась съ Петербургской стороны мама дѣвочекъ. Обошла всѣ комнаты, — нѣтъ дочекъ. Посмотрѣла въ садъ: нѣтъ! Кликнула было няню, да вспомнила, что няня сегодня къ кумѣ въ Галерную Гавань отправилась. Кухарка ничего не знаетъ. Дворникъ показалъ дощечку: „пять тысячъ монетъ“... Что такое? Да и его Мишка Богъ вѣсть куда провалился.

Всполошилась она, вышла на крыльцо...

— Дѣти! Ау... Валя! Ка-тю-ша!

И вдругъ съ конца сада, точно изъ подъ земли, дѣтскіе голоса:

— Мы здѣсь!

— Гдѣ здѣсь?!

— Въ оранжереѣ...

Побѣжала мать на голоса. И что-же? Сидятъ, прижавшись плечо къ плечу, въ ямѣ на коврикѣ всѣ четверо: Мишка, Тузикъ и дѣвочки, и у всѣхъ глаза отъ удовольствія блестятъ.

— Что вы здѣсь дѣлаете?

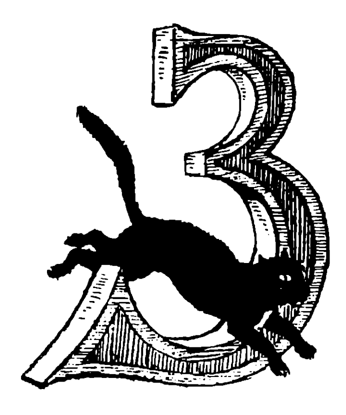
— Мы кавказскіе плѣнники.

— Какіе тамъ плѣнники! Вѣдь сыро-же здѣсь... Сейчасъ-же маршъ домой!..

Вскарабкались дѣвочки по шесту, Мишка за ними, а Тузикъ и безъ шеста обошелся.

Идутъ домой, къ матери съ двухъ сторонъ, какъ котята, жмутся. Даже непонятно имъ самимъ, какъ это утромъ ихъ „Кавказскій плѣнникъ“ такъ разстроилъ? Вѣдь превеселая-же, право, штука.

Невѣроятная исторія.

наете-ли вы, что такое „приготовишка“? Когда-то до войны такъ называли въ Россіи мальчугановъ, обучавшихся въ гимназіяхъ въ приготовительномъ классѣ.

Мужчина этакъ лѣтъ восьми, румяный съ веселыми торчащими ушами. Въ гимназію шагалъ онъ не прямо по тротуару, какъ всѣ люди, а какъ-то зигзагами, словно норвежскій конькобѣжецъ. За спиной висѣлъ чудовищный ранецъ изъ волосатой и пѣгой коровьей шкуры. Въ ранцѣ тарахтѣли пеналъ, горсть грецкихъ орѣховъ, литой черный мячъ, арифметика и Законъ Божій. Въ рукѣ — надкусанное яблоко. Полы свѣтло-мышиной шинели, подбитыя стеганной ватой, отворачивались на ходу, какъ свиныя уши. Шапка темно-синяя, съ бѣлыми кантами, заломлена по бокамъ пирожкомъ, а гербъ въ подражаніе второклассникамъ согнутъ въ трубочку: не какъ нибудь! На ногахъ — броненосцы: огромные резиновые ботики, на которые лаяли всѣ встрѣчныя собаки.

Вотъ, собственно говоря, что такое „приготовишка“.

Учености его я касаться не буду, потому что самъ затруднился-бы вамъ теперь отвѣтить, „что дѣлаетъ предметъ“, какая разница между множимымъ и множителемъ и какъ назывались несимпатичные братья Іосифа, продавшіе его въ Египетъ.

* * *

Въ Москвѣ на Сивцевомъ Вражкѣ жилъ у пухленькой баловницы-тетки одинъ такой приготовишка, Васенька Горбачевъ И была у него мечта. Не какая-нибудь вычитанная изъ „тысячи и одной ночи“ мечта, а самая простая и доступная. Васенька видалъ какъ-то въ циркѣ у Дурова дрессированнаго зайца, который зубами, по желанію публики, вытаскивалъ карту любой части свѣта, катался на маленькомъ заячьемъ велосипедѣ и, скосивъ глаза вбокъ, отдавалъ честь старой лягавой собакѣ.

Штуки не Богъ вѣсть какія... Мальчикъ рѣшилъ скопить денегъ, купить простого деревенскаго зайца и обучить его тайкомъ въ ванной комнатѣ совсѣмъ другой вещи: четыремъ арифметическимъ дѣйствіямъ и таблицѣ умноженія.

Счетъ, разъ заяцъ говорить не умѣетъ, можно вѣдь отбивать лапкой...

Вотъ будетъ сюрпризъ! Во всѣхъ газетахъ появится Васинъ портретъ съ зайцемъ, директоръ гимназіи объявитъ ему передъ всѣмъ классомъ благодарность и напишетъ тетѣ письмо, что племянникъ ея, Василій Горбачевъ, затмитъ когда-нибудь самого Ломоносова.

Отъ каждаго завтрака, — а давала ему тетка каждое утро гривенникъ, — экономилъ онъ по три копейки и, когда накопилъ рубль мѣдью, обмѣнялъ его въ мелочной лавочкѣ на серебряный. Зажалъ рубль въ ладонь и въ первый-же свободный день пошелъ въ ботикахъ, весело насвистывая, на Трубную площадь, гдѣ продавали въ клѣткахъ и прямо съ рукъ всякое звѣрье и птицу.

* * *

Чудесно было на Трубной площади! Небо синенькое, весеннее, подъ галошами вкусно мокала, налитая водой, слякоть, у обочины тротуара искрился и лопоталъ ручей, словно онъ не по людной Москвѣ бѣжалъ, а по деревенской околицѣ. На окнѣ въ портерной — бутылки

играли на солнцѣ ярче аптечныхъ шаровъ. А народу на площади — муравейникъ. И все можно достать, чего пожелаешь: конопляное сѣмя, кормушки для птицъ, муравьиныя яйца въ пакетикахъ — фунтиками.

Въ ивовыхъ клѣткахъ копошилась живая тварь: дымчатоголубыя горлинки, выпятивъ грудку, ворковали подъ столами и нѣжно другъ дружку подталкивали клювами, надувались толстыя черныя куры-испанки въ лохматыхъ штаникахъ, нарядный карликовый пѣтушокъ со своей бѣлой курочкой, словно игрушечные, смотрѣли на толпу стеклянными глазками. Иволги, сойки, чижи... Бѣлка свернулась въ рыжій пушокъ и спитъ, — надоѣло ей вдоль клѣтки прыгать... Мопсы, маленькіе, совсѣмъ еще дѣти, высовывали розовые носы изъ-за пазухи оборванца... Но зайца — не было. Нигдѣ не было!

Три раза обошелъ Васенька площадь, во всѣ лари заглядывалъ, подъ всѣ столы: нѣтъ зайца.

— Чего покупаете, купецъ? — хрипло спросилъ вдругъ у приготовишки опухшій босякъ и зорко посмотрѣлъ на серебряный рубль, торчавшій изъ Васинаго кулака.

— Зайца...

— Шкурку, что-ли?

— Какую шкурку! — мальчикъ обидѣлся. — Живого зайца, какъ вы не понимаете. Да вотъ нѣту. Продали, что-ли всѣхъ...

Босякъ задумался.

— Много-ли дашь? Я достану.

— А что онъ стоитъ? — Васенька и самъ не зналъ, какъ живыхъ зайцевъ расцѣниваютъ: на вѣсъ, что-ли, или въ длину по вершкамъ.

— Рупь. — Босякъ снова покосился на Васинъ рубль, перевелъ глаза на пивную лавку и сплюнулъ.

— Девяносто пять копеекъ? — робко спросилъ Васенька. Онъ зналъ, что надо торговаться. Да на пятакъ внизу у нихъ въ мелочной сразу можно-бы зайцу свѣжей капусты купить.

— Рупь, — хрипло повторилъ опухшій субъектъ. — Черезъ полчаса приходи сюда, видишь, вонъ гдѣ сбитенщикъ стоитъ. Будетъ тебѣ заяцъ.

— Живой?!

— Дохлыми не торгуемъ.

Васенька радостно щелкнулъ языкомъ и побѣжалъ, чтобъ убить время, къ знакомой табачной лавкѣ черезъ улицу. Тамъ въ окнѣ давно уже онъ запримѣтилъ серію марокъ Мыса Доброй Надежды. Надо спросить о цѣнѣ и вымѣнять на двойники.

Цѣлыхъ полчаса! И куда это босякъ за зайцемъ отправился? Нырнулъ въ подворотню, фить — и исчезъ.

* * *

Не прошло и получаса, — Васенька уже давно на Трубной площади топтался около указаннаго мѣста. Отъ нетерпѣнія даже минутную стрѣлку на своихъ черныхъ часикахъ на пять минутъ впередъ перевелъ.

Наконецъ, видитъ, идетъ босякъ, а подъ мышкой у него какое-то сѣрое чудовище лапами дергаетъ.

Заяцъ!..

Босякъ носъ объ зайца вытеръ, духъ перевелъ и заторопилъ:

— На! Давай рубль! Еле раздобылъ... Тащи, тащи живѣй, чего глаза разстегнулъ? Подъ задъ поддерживай, башку подъ локоть зажми, а то дастъ стрекача, — пропалъ твой рупь ни за копѣйку...

Сказалъ, заржалъ на ходу, картузъ козырькомъ назадъ передвинулъ и скрылся, — только дверь въ пивной хлопнула.

Понесъ мальчикъ своего драгоцѣннаго зайца домой, хоть и не легко нести, самъ такъ весь улыбкой и расцвѣлъ. На трамвай денегъ нѣтъ, да и не пустятъ съ зайцемъ.

— Сиди смирно! Ишь тяжелый какой, словно утюговъ наѣлся.

А заяцъ не унимается, лапами, какъ пожарный насосъ работаетъ, такъ и рвется прочь изъ подмышки, точно его казанскимъ мыломъ намылили.

И вдругъ . . . .

* * *

Тетя Варя въ ужасъ пришла. Приплелся ея любимый Васенька домой, плачетъ — рыдаетъ, захлебывается, по всей мордашкѣ слезы рукавомъ размазаны, а въ рукахъ дрянная заячья шкурка.

— Что съ тобой, Василекъ?! Кто тебя обидѣлъ? Что за шкурка такая?..

— Мо-шен-никъ меня об-мо-шен-ни-чалъ! Я у него на Трубной

зай-ца купилъ... Ду-малъ тебѣ сюрпризъ устроить, обучить заица таб-ли-цѣ умноженія. А босякъ, тетечка, взялъ рубль...

— Ну?!

— Сунулъ мнѣ зайца... Я несу, а онъ барахтается. И вдругъ... онъ шкурку свою рас-по-ролъ... и изъ шкурки живая кошка вылѣзла... и убѣжала!

— Какъ кошка?!

— Ну, какъ ты не понимаешь! Босякъ кошку во дворѣ сцапалъ, наскоро въ заячью шкурку зашилъ... и мнѣ продалъ... Народъ кругомъ хохочетъ! Я сначала испугался, потомъ растерялся, а потомъ плакать сталъ... Досадно, вѣдь, тетечка! Что я теперь дѣлать буду?!

— Не плачь, Василекъ...

Тетка племянника по стриженной головкѣ гладитъ, а самой и жалко его и смѣшно.

— Не плачь! Я съ тобой сама пойду, настоящаго живого зайца купимъ. Обучимъ его хоть геометріи, ты у меня мальчикъ ученый, авось выучишь. А плакать не надо. Что это въ самомъ дѣлѣ? Мужчина — и плачетъ.

— Купишь, тетя?! Въ самомъ дѣлѣ?.. Побожись, что купишь!

— Божиться грѣшно... Теткѣ и такъ вѣрить надо А вотъ ты поди умойся, ишь цѣлое озеро по лицу размазалъ. Да приходи чай пить съ малиновымъ вереньемъ. Хорошо?

Побѣжалъ Васенька по коридору, ногами взбрыкиваетъ, куда и горе дѣвалось.

А тетка за спицы свои взялась: Васенькѣ чулки надвязывать. Вяжетъ и ворчитъ:

— Вотъ, прости Господи, какіе мошенники окаянные по Москвѣ пошли... Кошку въ заячій мѣхъ среди бѣла дня зашиваютъ, дитя обманываютъ. Тьфу!

Яблоки.

Петя и Вовка никакъ не могутъ опомниться. Младшая сестренка заболѣла скарлатиной и мальчиковъ, сонныхъ, отправили вечеромъ къ дядѣ въ подгородное имѣньице. Какъ ни таращили они въ бричкѣ глаза, ничего не было толкомъ видно: то-ли кусты по бокамъ дороги торчатъ, то-ли медвѣди на дыбки подымаются, маленькими мальчиками хотятъ поужинать. Старшій Вовка на всякій случай въ карманѣ перочинный ножикъ раскрылъ, а другой рукой брата обнялъ. „Закрой глаза!.. Медвѣди первые на человѣковъ никогда не нападаютъ“. А дядя потаенный дѣтскій шопотъ разслышалъ и разсмѣялся.

— Правильно, Вовка! Пусть-ка нападутъ. Сейчасъ мы ихъ всѣхъ свяжемъ и въ московскій зоологическій садъ малой скоростью отправимъ...

Пріѣхали поздно. Лохматыя чудовища (псы, а можетъ быть и домашніе медвѣди?) терлись о подножку брички, лизали дѣтскія ноги. Въ столовой горѣла невиданная въ городѣ керосиновая лампа на цѣпяхъ съ чугуннымъ ядромъ. Попискивалъ засыпающій самоваръ. На буфетной доскѣ горкой лежали румяныя яблоки. Блѣдная и худая

тетя Глаша раскутала мальчиковъ, погладила по головѣ: теперь она долго-долго будетъ для нихъ вродѣ мамы. Попугай въ углу на жердочкѣ проснулся, вскинулъ зеленый хохолъ и ляпнулъ:

— Арестанты прiѣхали!

Мальчики удивленно переглянулись, но дядя имъ объяснилъ, что обижаться не слѣдуетъ, — арестантами попугай называетъ всѣхъ гостей, пусть хоть самъ персидскiй шахъ прiѣдетъ. А кто попугая этому слову обучилъ, никто не знаетъ.

Черезъ силу выпили по чашкѣ чая съ молокомъ, поковыряли изюмъ въ ватрушкѣ и пошли на антресоли спать. На широкой крытой ковромъ тахтѣ можно было поперекъ восемь такихъ мальчиковъ уложить. Холодила бока хрустящая тугая простыня, на столикѣ въ граненомъ стаканчикѣ ровно горѣлъ надъ поплавкомъ огненный язычекъ, — чтобы не было страшно. Петя, засыпая, все потягивалъ носомъ, какъ гончая собака, и, прижимаясь щекой къ брату, сонно спросилъ:

— Ананасы?

— Какiе тебѣ въ Россiи ананасы? Яблоки пахнутъ.

— Много?

Вовка подумалъ и прикинулъ въ умѣ:

— Сорокъ пять тысячъ...

Петя успокоился и закрылъ глаза. А Вовка прислушался... Въ саду кто-то заливисто свисталъ. На черномъ стеклѣ колыхалось далекое тусклое зарево. Псы рыскали, съ короткимъ брехомъ проносились среди стволовъ и глухо рычали на окраинѣ сада. Далеко-далеко забубнила колотушка... И вдругъ язычекъ въ стаканчикѣ раздвоился, сонно метнулся до потолка, лизнулъ Вовку въ носъ и исчезъ.

Тетя Глаша безшумно, какъ стрекоза на замшевыхъ лапкахъ, вошла въ комнату. Постояла около тахты, положила ладонь на Вовкину голову, потомъ на Петину: чуть-чуть теплыя, какъ яблоки на солнцѣ. Если добрая и понимающая тетя, — никакого ей градусника не надо, — ладонь все покажетъ.

Потомъ удивленно нагнулась, улыбнулась и вынула изъ свѣсившейся Вовкиной руки раскрытый перочинный ножикъ. Вотъ комикъ — мальчикъ... И безшумно (какъ стрекоза на замшевыхъ лапкахъ!) скрылась за портьерой.

* * *

Утромъ дѣти распахнули окно, высунули головы въ садъ: рай! Во всѣ стороны темнозелеными рядами тянулись яблони — яблони — яблони, среди густой листвы краснѣли, желтѣли, розовѣли веселыми фонариками круглые плоды. Гирляндами свергались внизъ. Узловатыя рогатины подпирали, какъ костыли, тяжелыя, клонившіяся къ землѣ яблоневыя плечи... И пахло такъ, будто-бы тебѣ ящикъ изъ подъ самыхъ душистыхъ яблокъ на голову надѣли.

Вовка засвисталъ... Это онъ вчера вечеромъ по запаху рѣшилъ — „сорокъ пять тысячъ". Пробѣжалъ глазами, провѣрилъ, — по меньшей мѣрѣ тысячъ семьдесятъ шесть съ половиной. Петя не считалъ, не до того было. Онъ только широко раскрылъ глаза, раздулъ ноздри, смотрѣлъ, нюхалъ и думалъ: если-бы сюда собрать всѣхъ знакомыхъ мальчиковъ и всѣ бы разстегнули кушаки и воротники и ѣли сколько влѣзетъ и еще полстолько и еще четвертьстолько, — въ саду-бы яблокъ даже и не убавилось. Все равно, какъ стадо коровъ изъ озера напьется, а озеро и не замѣчаетъ...

Побѣжали внизъ Наскоро умылись, наскоро чмокнули дядю и тетю, наскоро высосали по чашкѣ чая съ молокомъ (придумаютъ-же для дѣтей такое наказаніе!) — и вылетѣли за дверь.

Во дворѣ каждый занятъ былъ своимъ дѣломъ. Толстый котенокъ игралъ подъ кухоннымъ окномъ яблочной кожурой, наступалъ на конецъ лапкой, тянулъ ее зубами, — только отпуститъ, а кожура опять штопоромъ завьется; прачка стирала у колодца въ колодѣ, — изо рта у нея торчала половина румянаго яблока и ей было очень трудно: надо было и стирать и локтемъ отмахивать нависавшіе на глаза волосы и подталкивать плечомъ яблоко во рту, чтобы не упало въ бѣлье; лѣнивая хрюшка тоже возилась съ яблокомъ, перекатывала его съ мѣста на мѣсто, будто въ крокетъ сама съ собой играла... А кухаркинъ племянникъ Колобокъ (прозвали его такъ потому, что толстый былъ и непосѣда) складывалъ у сарая подъ вязомъ корявыя, сморщенныя яблочки въ кучу и потомъ сталъ строгать ивовый прутикъ. Заострилъ конецъ, зубами сдернулъ кору.

Пріѣзжіе мальчики заинтересовались и подошли поближе.

— Ты зачѣмъ тааія худыя выбралъ? — спросилъ Вовка. — Ѣсть хорошія надо.

— Я не для ѣды. Я пулять буду.

— Какъ пулять?

— А вотъ смотри... Отойди-ка маленечко.

Колобокъ насадилъ тугое яблочко на острый прутикъ, взмахнулъ рукой и яблочко съ легкимъ свистомъ улетѣло подъ облака.

— У меня и балаболки есть. Тоже пулять можно...

Онъ раскрылъ висѣвшую у него черезъ плечо холщевую сумочку и съ гордостью показалъ имъ горсть свѣтлозеленыхъ, точно лакированныхъ, шариковъ.

— На картохахъ растутъ. Балаболки называются... Только яблоки высче летятъ.

Вѣдь вотъ въ городѣ до такой чудесной пальбы и не додумались. Вовка вздохнулъ, выбралъ яблочко потуже и потянулся къ палочкѣ.

— Можно?

Насадилъ, вынесъ ногу впередъ, замахнулся... но яблоко, будто домовой подъ руку толкнулъ, совсѣмъ не въ ту сторону понеслось, — прямо въ кухонную раму — бумъ! Хорошо, что не въ стекло... Поросенокъ шарахнулся подъ крыльцо, индюкъ, совершавшій вдоль забора моціонъ, негодующе выругался, сердитая кухарка съ поварешкой въ рукѣ до половины высунулась изъ окна. Но браниться громко не могла, потому что у нея изо рта тоже торчало недоѣденное яблоко.

— Удирай! — шепнулъ изъ за вяза Колобокъ. — Она, ухъ какая... — и бросился сквозь высокій бурьянъ въ садъ. За нимъ, закрывъ лицо отъ хлещущихъ шершавыхъ стеблей, городскіе мальчики. Значитъ не такъ это просто „пулять“ научиться. Можно и стекло высадить и, не дай Богъ, дядѣ въ пенснэ попасть, — вотъ онъ у крыльца въ бричку садится, въ городъ ѣдетъ.

*
* *

Колобокъ въ саду каждую яблоню зналъ, точно самъ ихъ насадилъ когда-то. И когда Петя или Вовка поднималъ съ земли и над-

кусывалъ первое попавшееся яблоко, Колобокъ пренебрежительно махалъ рукой:

— Нашелъ чего кусать. Вона тамъ у пруда, видишь дерево толстенное... Ты попробуй, скусъ-то какой...

„Скусъ“ дѣйствительно былъ необыкновенный. Сладкій сокъ хлюпалъ во рту, восковая мякоть хрустѣла и пахла медомъ, ладаномъ и самымъ-самымъ отборнымъ ландринскимъ леденцомъ. А надкусанное простое яблочко летѣло въ траву на поживу муравьямъ и землянымъ пчеламъ, и черезъ нѣсколько минутъ укусъ покрывался ржавой каемкой.

У пруда, заросшаго конскимъ щавелемъ, придумали забаву. На корму опрокинутой плоскодонной лодки поставили старую, отливающую радужными красками, бутылку и стали въ нее съ трехъ сторонъ стрѣлять яблоками. Взволнованныя утки, будоража зелененькую ряску, съ крикомъ поплыли прочь, оставляя за собой свѣтлый, колыхающійся слѣдъ. Яблоки летѣли градомъ, но бутылка, словно подсмѣиваясь, стояла какъ ни въ чемъ не бывало. Тогда Вовка разсердился и ухнулъ въ нее валяющимся подъ ногами яблоневымъ сучкомъ. Горлышко звякнуло и бутылка заколыхалась на водѣ.

— Не по правилу стрѣляешь, — обидѣлся Колобокъ.

— Ты не понимаешь... Это я изъ тяжелаго орудія.

Что на это скажешь? Колобокъ и Петя въ азартѣ стали добивать плавающую бутылку комьями, поросшей травой, глины, обломками кирпича, пока ее, бѣдную, не доканали.

А Вовка рѣшилъ показать Колобку — деревенщинѣ городскую затѣю, — это тебѣ не балаболки. Выкатилъ изъ сарайчика два старыхъ колеса и боченокъ, приставилъ по бокамъ къ боченку колеса и подъ открытый край бочки подложилъ кирпичи, чтобъ въ небо смотрѣла.

— Это что-жъ будетъ?

— Царь-пушка. По слонамъ стрѣлять... — важно отрѣзалъ Вовка. — Давайте-ка по бокамъ ядра складывать.

Изъ самыхъ крупныхъ ядреныхъ яблокъ сложили по бокамъ двѣ пирамидки. Полюбовались, разбросали ногами пушку и ядра и побѣжали на глухой лай къ солнечной полянкѣ.

— Кусаются? — спросилъ по дорогѣ Петя, замедляя на всякій случай шагъ.

Колобокъ только хлопнулъ по травѣ кнутомъ.

— Куси-ка своихъ, я имъ лапы пооттяпаю.

Дѣйствительно, не укусили. Днемъ совсѣмъ было ясно, что это не домашніе медвѣди, а псы. Свирѣпые сторожа, лохматые помощники караульщика дѣда Архипа,они знали кого кусать, кому ноги лизать. Сразу узнали маленькихъ вчерашнихъ гостей и такъ и завились вокругъ нихъ кудлатыми клубами...

Передъ тростниковымъ шалашомъ курился голубенькой лентой дымокъ дотлѣвающаго костра. Вотъ, стало быть, отъ него вечеромъ зарево на стеклѣ и играло. Дѣдъ Архипъ былъ очень похожъ по картинкѣ на старика изъ „Золотой Рыбки". Только старухи не было и вмѣсто разбитаго корыта лежалъ передъ нимъ чугунокъ съ однимъ ухомъ.

— Племяннички пришли? Садись, садись, гостемъ будешь. — Дѣдъ притянулъ къ себѣ Петю, будто давно его зналъ, широко погладилъ по спинѣ, усадилъ на пень. А Вовкѣ бросилъ на охапку сѣна свой армякъ.

— Чего стоишь? Воробей и тотъ въ полдень садится. Грушекъ печеныхъ не хотите ли?

Вынулъ изъ пепла три темнокоричневыхъ груши, дунулъ на нихъ, смахнулъ рукавомъ золу и далъ мальчикамъ.

Да! Это тебѣ не чай съ молокомъ... Обжигались, чуть не плакали, но ждать, пока остынутъ, нельзя было, очень ужъ было вкусно.

Дѣти притихли. И собаки угомонились, легли у ногъ и только, вываливъ языки, слѣдили, какъ толстые шмели вокругъ дѣдовой головы гудятъ. Дѣдъ тоже молчалъ, вырѣзывалъ изъ липовой чурбашки себѣ табакерочку, да ласково поглядывалъ на мальчишекъ.

Земляная пчела приподняла мшинку у вовиной ноги, вылетѣла наружу и низко надъ землей потянула къ сверкающему вдали пруду. Пить, должно быть. Солнечныя пятна пробились сквозь вѣтви и тихо колыхались на примятой травѣ. Тепло. И духъ такой густой, сладкій, будто передъ жаровней сидишь, на которой яблочное желе уваривается.

— Это вы, дѣдушка, вчера въ саду свистали? — спросилъ Вовка, вытягивая изъ пепла грушу покрупнѣе.

— Кому-жъ больше... Стревожилъ тебя, что-ли?

— Нѣтъ. Я думалъ, что это медвѣдя изъ сада гнали.

— Какой тутъ медвѣдь! Люди озорничаютъ пуще всякаго звѣря. Не услѣди, полъ-сада переломаютъ... Вотъ и свистишь, да псовъ гоняешь... Надолго ли прiѣхали?

— Не знаю. У насъ теперь скарлатинный карантинъ, — важно объяснилъ Вовка.

— Скажи ты! — Дѣдъ задумчиво покачалъ головой. Пожалуй и не понялъ, что за штука такая. — Ну что-жъ, погостите, у насъ яблочекъ на всѣхъ хватитъ...

Петя все посматривалъ на новаго дѣдушку и, наконецъ, рѣшился:

— А это правда...

— Что, милый?

— Что такiя моложавыя яблоки бываютъ? „Какой-бы ни былъ старъ человѣкъ, а съѣстъ яблочко — вмигъ помолодѣетъ“...

— Кто тебѣ разсказалъ-то?

— Няня сказку разсказывала. Про вѣдьму и солнцеву сестру.

— Не слыхивалъ, свѣтъ мой. Кабы зналъ, самъ-бы такое моложавое досталъ. А то и укусить нечѣмъ. Всѣ вотъ яблочки ѣдятъ, а я только посматриваю. Ты-бъ у няни своей спросилъ, гдѣ они растутъ-то... Что?

И вдругъ сорвался съ мѣста и побѣжалъ, словно и молодой, въ глубину сада.

— А ну-жъ вы! Я васъ... Аря! Забирай, Колобокъ, вправо, вправо тебѣ говорю!..

Псы, тоненько взвизгивая, скрылись за стволами. Вдали, трусливо похрюкивая, съ трескомъ мчались къ калиткѣ двѣ толстыя чушки.

— Медвѣдь? — на бѣгу спросилъ у Колобка Петя, подбирая съ земли ржавую желѣзку.

— Свиньи... Онѣ завсегда въ эту пору яблоки лопаютъ.

Дѣдъ, тяжело, дыша, возвращался.

— Ишь, подлюги!.. Повадились. Опять калитку не зачинилъ кто-то. Руки дырявыя, прости, Господи...

Вовка заинтересовался:

— Развѣ, дѣдушка, свиньи тоже яблоки любятъ?

— Ого! Она тебѣ не то что ѣстъ, она такая животная, что зловреднѣй ея и нѣту. Ѣшь, я-жъ не препятствую. И сорока яблоко ѣстъ и иволга и оса и человѣкъ. А свинья къ самолучшимъ сортамъ подбирается... Да мало ей, что на землѣ валяется, норовитъ еще, ежели дерево молодое, о стволъ потереться, чтобъ яблоки на нее дождемъ сыпались... Вишь ты.

— Она хитрая, дѣдушка?

— Хитрѣющая, милый. Фу, совсѣмъ духъ зашелся... Эва! Обѣдать васъ кличутъ. Бѣгите скорѣй, а то тетенька гнѣваться будетъ...

Побѣжали. Дѣлать нечего. Въ самый интересный моментъ всегда такъ, — то уроки, то обѣдъ. И ничего ты съ этимъ не подѣлаешь.

За обѣдомъ мальчики ѣли вяло. Супъ съ лапшей, телятина... Какъ ихъ ѣсть, когда въ головѣ гудятъ шмели, весь насквозь яблоками пахнешь, — даже волоса, а на языкѣ терпкая оскомина...

Тетя Глаша только посмотрѣла, все поняла.

— Яблоки? Вы смотрите не объѣшьтесь.

— Мы, тетя, ничего. Я съѣлъ семь, а Петя... Петя пять съѣлъ.

— Только?

— И еще по три груши печеныхъ. Можно, тетя, телятину на послѣ оставить?

— Можно.

Вовка облегченно вздохнулъ. Помялъ въ карманѣ четвертую запасную печеную грушу и раздумчиво поднялъ на ламповое ядро глаза.

— Скажите, тетя Глаша... Вотъ говорятъ, что какой-нибудь господинъ ничего не понимаетъ, „какъ свинья въ апельсинахъ". А можетъ быть свинья и понимаетъ? Вѣдь вотъ дѣдъ караульщикъ говоритъ, что свиньи чудесно-пречудесно разбираются въ яблокахъ, какой сортъ слаще, какой вкуснѣе...

— Ну такъ что-жъ?

— Такъ если бы у васъ былъ апельсинный или мандариновый садъ, свиньи, можетъ, тоже-бы разбирались въ сортахъ. Какъ вы, тетя, думаете?

— Право, Вовикъ, не могу тебѣ сказать. Свинья-жъ апель-

сины чистить не умѣетъ. А съ кожей съѣшь, любой сортъ плохимъ покажется.

Вовка поджалъ губы. Въ самомъ дѣлѣ. Ему это и въ голову не пришло.

Всталъ изъ-за стола, шаркнулъ ножкой и пошелъ съ Петей на веранду въ кегли играть: кегли — пустыя бутылки, а вмѣсто шаровъ яблоки, — тетя позволила съ буфета взять.

* * *

Проходили одинъ за другимъ первые румяные сентябрьскіе дни. Яблоки заполонили всю усадьбу. Грузили ихъ на подводу, отправляли въ городъ на базаръ, — и чуть подвода тронется, непремѣнно изъ-подъ тугой рогожи одинъ-другой безпокойный плодъ на земь соскочитъ. Гусь подбѣжитъ, вытянетъ шею, клюнетъ и недовольно пойдетъ прочь: яблоко, эка невидаль!

За столомъ на третье блюдо неизмѣнно подавали то воздушный яблочный пирогъ, то печеныя яблоки съ вареньемъ, то шарлотку,— ужъ какъ тамъ не называй, — опять все тѣ-же яблоки съ булкой. Ни за что кухарка не хотѣла ничего другого придумать. Куда-жъ яблоки дѣвать?

На верандѣ, на солнечной сторонѣ, вперемежку съ пучками тмина висѣли на штопальныхъ ниткахъ ряды яблочныхъ ломтиковъ. Су. шили на зиму. Пахло отъ нихъ чуть-чуть горькимъ миндалемъ и жасминомъ, и осы цѣлый день танцевали надъ ними воздушные вальсы. Когда-же ломтики сморщивались и темнѣли, казалось, что это человѣческіе уши на сквознякѣ провѣтриваются. И передъ кухней дѣдъ Архипъ ошпаривалъ крутымъ кипяткомъ бочку подъ яблочный квасъ. А внучка его, желтоволосая, шустрая Анюта, отбирала въ свое лукошко (тетя Глаша позволила) ежедневную порцію „цыганокъ“, смугломалиновыхъ сладкихъ яблочекъ.

Петя придумалъ себѣ дѣло. Открылъ передъ верандой на скамейкѣ фабрику „яблочнаго одеколона“. Запихивалъ въ бутылочку ржавые кусочки яблокъ, ягодки барбариса, стебельки укропа и кусочки

коры и заливалъ все это дождевой водой изъ кадки. Потомъ разставлялъ на солнцѣ, и цѣлыми часами встряхивалъ, нюхалъ, закупоривалъ и откупоривалъ съ такимъ серьезнымъ видомъ, что сразу видно было: быть ему въ будущемъ химикомъ по парфюмерной части. Запахъ его одеколона, впрочемъ, не всѣмъ нравился. Когда Петя вздумалъ было надушить тетину кошку, та послѣ первой же пробы стремглавъ удрала въ кусты и цѣлый день не показывалась. А Вовка сунулъ носъ въ бутылочку и сказалъ:

— Если изъ твоего одеколона сдѣлать ванну, потомъ цѣлый мѣсяцъ въ домъ пускать не будутъ.

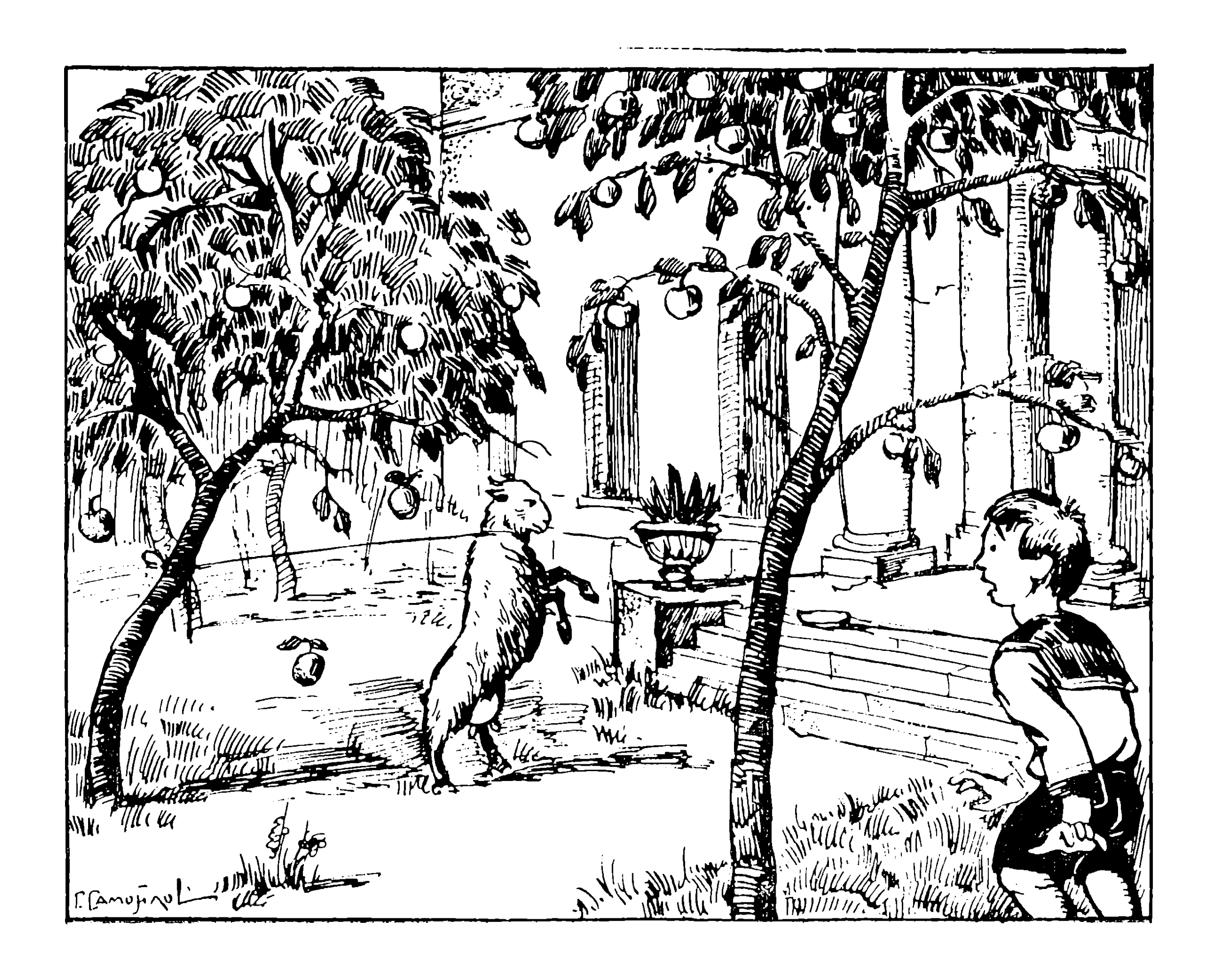
У Вовки тоже было свое дѣло. Сегодня съ утра тетя Глаша уѣхала въ городъ. На Вовкѣ — весь домъ. Тетя такъ и сказала: „ты умница, присматривай за всѣмъ“. Вотъ онъ и присматриваетъ. Прогналъ изъ тетиной спальни дворовую Арапку, непремѣнно ей надо на тетиномъ коврикѣ своихъ блохъ разводить, — подъ лѣстницей мѣста мало... Отнесъ дѣду Архипу шесть кусковъ сахара, свою собственную экономію. Остригъ Петѣ ногти: очень красиво вышло, вродѣ щучьихъ зубовъ. Выгналъ изъ дядиной гитары большую зеленую муху, — забралась внутрь и гудитъ. Музыкантша какая... Выглянулъ въ окно и звѣрскимъ голосомъ закричалъ на курицу, которая въ лиловыхъ касатикахъ рылась: „съ ума ты сошла?! Пошла во дворъ, кышъ, кому говорятъ“! Потомъ пошелъ на веранду сторожить „кальвиль“.

Садъ былъ вродѣ райскаго, это мальчики въ первое-же утро рѣшили. И какъ въ раю, здѣсь тоже была запретная яблоня, съ которой тетя не позволяла ни одного яблока трогать. Молодое деревцо расло передъ самой верандой, яблокъ на немъ было ровнымъ счетомъ девять и сидѣли онѣ крѣпко, какъ пришитыя. Онѣ еще не совсѣмъ поспѣли и должны были быть готовы только черезъ двѣ недѣли къ дядину рожденію. Тогда ихъ на блюдѣ на почетномъ мѣстѣ и положатъ.

Вовка сидѣлъ на ступенькѣ и зорко посматривалъ. Кошка стала было о стволъ когти точить. Прогналъ. Для этого есть старый жерновъ за сараемъ... Осу камышинкой согналъ. Мало ли въ саду яблонь, нечего на кальвиль лѣзть. Въ воробья горошиной изъ рогатки стрѣльнулъ. Ишь ты, еще дразнится, — перелетѣлъ на другую

вѣтку и задомъ къ Вовкѣ сѣлъ. „Кышъ! Петя, брызни-ка на него одеколономъ"...

И вотъ тутъ-то и началась исторія. Увидалъ Вовка, что тетина коза Тамара, которая тетю лечебнымъ молокомъ питала, галопомъ скачетъ по саду, какъ оголтѣлая Веревка за ней слѣдомъ мотается, псы

сзади, обрадовались забавѣ, такъ и насѣдаютъ. „Вѣдь этакъ у нея все молоко въ масло собьется, — что тогда тетя станетъ пить, когда вечеромъ вернется"? Вѣдь онъ, Вовка, за старшаго въ домѣ остался... Кликнулъ онъ Петю и Колобка, который за заборомъ змѣя въ небеса пу-

скалъ, и помчались наперерѣзъ козѣ. Коза вправо, коза влѣво, собаки почти на хвостѣ висятъ... Наступилъ Колобокъ на веревку, на земь палъ, коза его волочитъ, а Петя и Вовка тормозами сзади вцѣпились,— остановили!

Духъ перевели и потащили глупую плясунью къ верандѣ. Колобокъ опять къ своему змѣю убѣжалъ, невтерпежъ было, Петя за свои бутылочки принялся, а Вовка прикрутилъ козу накрѣпко къ стволу кальвиля, чтобъ она у него на глазахъ была и вела себя прилично.

Засмотрѣлся мальчикъ на дальнюю лѣсную опушку, на аиста, косо пролетавшаго надъ садомъ къ пруду, на сизый цвѣтъ цикорія, который яркими пучками весь скатъ за садомъ усѣялъ. Засмотрѣлся и вдругъ видитъ, что коза веревку натянула и къ бутерброду вовкиному, который лежалъ рядомъ на ступенькѣ, тянется. Вовка бутербродъ отодвинулъ, — не для козы хлѣбъ медомъ мазанъ...

Коза на заднія ножки встала, передними въ воздухѣ граціозно поиграла и какъ вскинется къ бутерброду... Дрогнуло деревцо, — два яблока о земь! Бросились Вовка и Петя къ яблокамъ... не приклеишь теперь. А коза опять изо всей силы, какъ медвѣдь съ цѣпи, къ бутерброду: три яблока на земь!

Чуть не заплакалъ Вовка. Оттягиваетъ козу за заднія ноги къ дереву, чтобъ веревку отвязать... Пусть хоть къ волкамъ въ лѣсъ скачетъ, Богъ съ ней, съ козой! А она еще пуще рвется, во всѣ стороны на дыбахъ кидается, — вотъ-вотъ веревка лопнетъ. Что съ ней, сумасшедшимъ чудовищемъ, два маленькіе мальчика сдѣлаютъ? Всѣ до одного драгоцѣнныя продолговатыя яблоки обтрясла и только тогда бѣдный мальчуганъ Вовка вспомнилъ, что у него перочинный ножъ въ карманѣ. Чиркнулъ по веревкѣ, — коза балериной въ жимолость нырнула...

Собралъ Вовка девять яблокъ въ подолъ, губы кусаетъ: вотъ и остался за старшаго. Дядинъ сюрпризъ, любимый „кальвиль“ своими же руками загубилъ... Съ досады прошелъ мимо бутерброда, даже не посмотрѣлъ, пусть воробьи клюютъ. Забрался на антресоли. Чубъ на глаза спустился, — не стоитъ и смахивать, — все прахомъ пошло. Арапка опять въ тетину спальню забралась, за стѣной на коврикѣ

блохъ скребетъ. Пусть! „Кальвиль" погибъ, какія ужъ тутъ блохи.

Такъ и разыскала тетя Глаша къ вечеру Вовку на антресоляхъ. Сидитъ у окна на полу, глазъ не подымаетъ. Вокругъ него кольцомъ — кальвиль.

— Что съ тобой, Вовка? Кто яблоки оборвалъ?

Объяснилъ Вовка все. Часто останавливался, слюну глоталъ.

А какъ дошелъ до того, какъ яблоки „одно за другимъ попа-да-ли", хотѣлъ было заплакать, но изъ-за двери вышелъ дядя, сѣлъ рядомъ на полъ, Вовку тормошить сталъ и разсмѣялся.

— Чудакъ-мальчикъ! Ты что-жъ думаешь, что мы съ тетей людоѣды, маленькаго племянника за невинную вину изжаримъ и съ лукомъ съѣдимъ? Подумаешь, кальвилы! Есть о чемъ горевать. Ни ты не виноватъ, ни коза, ни прохожая бабка. Айда внизъ чай пить: я изъ города трубочки съ кремомъ привезъ. Лучше всякаго кальвиля, братецъ мой...

Пили чай. Вовка все больше въ чашку смотрѣлъ, хотя тетя Глаша его ласково подъ столомъ за курточку теребила.

Однако послѣ третьей трубочки съ кремомъ повеселѣлъ, поднялъ глаза и сказалъ:

— У меня, тетичка, какой для васъ сюрпризъ есть! За сарайчикомъ на старой яблонѣ вѣточка расцвѣла. Вы понимаете, въ сентябрѣ. Я вамъ завтра утромъ покажу...

Петя облизалъ съ пальца кусочекъ крема и дѣловито замѣтилъ:

— Неправильно расцвѣла. Теперь теплые дни... Яблонѣ, должно быть показалось, что это весна — она и ошиблась.

Дядя усмѣхнулся въ усы.

— Вѣрно, Пѣтушекъ! Надо будетъ въ саду календарь повѣсить. А то всѣ яблони ошибаться начнутъ, что-жъ это будетъ?..

Лѣшій на елкѣ.

Въ лѣсной чащѣ дымился снѣжокъ. Сверху падала мелкая крупа, снизу надъ сугробами курилась снѣжная муть, вѣтеръ все перемѣшалъ, смѣсилъ — весь лѣсъ затянулъ мглистою бѣлою пылью.

На голой верхушкѣ дуба шуршали ржавые листья. Тростникъ у замерзшаго ручья качался, скрипѣлъ, переливался снѣжнымъ бисеромъ — инеемъ. Засинѣли раннія сумерки.

Подъ широкой, съ лапами до земли, елкой сидѣлъ старый лѣшій, сосалъ ледяную сосульку, посматривалъ сквозь мохнатый снѣжный шатеръ вѣтвей и зѣвалъ.

Заяцъ, проваливаясь по уши въ сугробы, тяжело проскакалъ, взбрасывая куцый хвостикъ, къ больничной оградѣ, — туда стряпуха вмѣстѣ съ золой капустныя кочерыжки выбрасывала. Лисица, раскинувъ

пышную рыжую метелку, шагъ за шагомъ, отряхая мягкія лапки (холодно!) осторожно прокралась къ опушкѣ, авось глупая галка на дорогѣ зазѣвается. Бѣлка шишку въ лапкахъ повертѣла съ одного конца, потомъ съ другого и уронила, лѣшаго по колѣну щелкнула. Ишь, чертъ вертлявый! Ворона надъ головой закопошилась, снѣгъ крыломъ задѣла, полетѣла внизъ холодная вата, прямо лѣшему на носъ.

Нигдѣ покоя не найдешь. Бросилъ лѣшій огрызкомъ сосульки въ ворону, спиной о шершавый стволъ потерся... Блохи одолѣли. Въ шубу набились, жгутъ мелкимъ огнемъ, ничѣмъ ихъ не выкуришь.

Потянулся старый, въ локтяхъ кости хрустнули. Вылѣзъ на проселочную дорогу и застылъ.

Идти къ лѣснику на полянку въ стожокъ спать? Или рябины пожевать? Вонъ за елью алыя кисточки висятъ, морозомъ хватило, — чудесная закуска!

Приложилъ мохнатую руку къ косматымъ бровямъ, посмотрѣлъ вдаль и свистнулъ.

Что за штука? Почему у школы суета такая? Праздникъ вѣдь, занятій нѣту. Съ утра еще поволокли туда елку, школьники сегодня весь день въ лѣсу мелькали, кто пѣшій, кто въ дровняхъ съ отцомъ... Чего они тамъ галдятъ, какъ галки на колокольнѣ? Вокругъ школы расзѣлись, смѣются...

Зоркій глазъ у лѣшаго, чуткое ухо — и сквозь снѣжную мглу все увидитъ, услышитъ. Вѣтеръ притихъ. Снѣгъ улегся. Сквозь еловыя метлы надъ головой звѣздными кусками засквозило темносинее небо.

Ого-го! Ишь, какъ горланятъ... Отъ ствола къ стволу лѣшій подкрался ближе: притаился.

Съ крыльца и съ лужайки передъ школой всѣхъ людей точно въ воронку въ школьную дверь гуськомъ втянуло. Скрипитъ блокъ, кирпичъ на веревкѣ о дверь хлопаетъ. Во всѣхъ четырехъ окнахъ забѣгали, замелькали огоньки и вспыхнуло, переливаясь свѣтлымъ колоколомъ, знакомое лѣсное дерево. Елка! Пискъ-то какой... Въ чемъ дѣло? По какому случаю?

* * *

Всѣ въ школѣ. Мохнатыя лошаденки, привязанныя у ракитъ къ низкому плетню, жуютъ сѣно, головами встряхиваютъ. Въ дровняхъ солома и сѣрое тряпье-дерюга торчкомъ...

Кто скрипитъ-переваливается? Не медвѣдь-ли? Ухъ, косматый какой, ростомъ съ верстовой столбъ... Затопотали лошаденки на мѣстѣ, зады поджимаютъ, глазами косятся. Брякнули колокольчики.

Лѣшій испугался: — Тише вы, тпру! Лѣшаго не признали, лѣсного хозяина? Но-но! Не трону. Елку мнѣ посмотрѣть интересно. Какъ-бы на бубенцы ваши мужики не выбѣжали... Тпру! Кому говорю?

Притихли лошадки. Фыркаютъ, ушами прядутъ, другъ дружку мордами подталкиваютъ. Хруститъ сѣно. Мѣсяцъ голубые хвосты вдоль улицы стелетъ. Тишина.

Лѣшій припалъ къ стеклу. Ничего, если кто на крыльцо и выбѣжитъ воздуха морознаго глотнуть, никто его лѣшаго не распознаетъ, — старый дѣдъ въ овчинѣ, можетъ мельникъ, а можетъ и лѣсникъ, — пусть смотритъ...

А въ школѣ чудеса въ рѣшетѣ. Елка выше печки, золотыя нитки свѣтлой паутиной висятъ, золоченые орѣхи и зайчики ярче осеннихъ листьевъ, разноцвѣтныя свѣчки, словно свѣтляки мигаютъ — переливаются. И на самомъ верху елки, — какъ это они ее съ неба достали? — сіяетъ золотая звѣзда съ серебряными лучами. А подъ елкой, подъ елкой что дѣлается! Школьники за пазухи пряники прячутъ, въ зеленыя лапы ныряютъ — другъ дружку ловятъ, дудятъ въ пестрыя дудки, — пастухъ на зарѣ, конечно, складнѣе играетъ, да ничего — было бы весело... Въ дверяхъ и вдоль стѣнъ мужики жмутся, ухмыляются въ льняныя бороды. Кое-кто тоже пряничкомъ улыбку закусываетъ, — отъ сына перепало.

Подалъ учитель знакъ, въ ладоши захлопалъ. Взялись школьники за руки, и мальчишки и дѣвченки, закружились вокругъ елки хороводомъ и запѣли всѣ вразъ весело и звонко:

„Коляда! Коляда!
Посконная борода!
Отпирай ворота,
Выноси пирога!

Отворяй окошки,
Подавай лепешки“...

Учитель тоже, даромъ, что длинный да острый, — какъ складная лѣстница, — въ хороводъ вклеился, какъ теленочекъ подтягиваетъ, колѣнками перебираетъ. Ай-да Созонтъ Тимофеевичъ!

Потомъ — плясъ. Скрипочку учитель вынесъ, пыль клѣтчатымъ носовымъ платочкомъ обмахнулъ, къ плечу приложилъ и пошелъ... Соловей не соловей, козелъ не козелъ, а ничего веселѣе лѣшій въ жизни не слыхивалъ.

Васенька, школьнаго сторожа сынъ, да Таня, псаломщика дочка, въ кругъ вышли (мальчишки ихъ выпихнули), другъ на друга соколами взглянули, топнули и давай откалывать. У Тани надъ головой рука съ платочкомъ, головенка на бокъ, словно и смотрѣть ей на Васеньку не хочется, летаетъ вдоль круга, стрекозой носится, а мальчишка за ней. Ухъ ты! Корова его забодай... Такой клопъ, отъ пола не видать, а смотри что раздѣлываетъ... Мужички у дверей смотрятъ, любуются, валенками, какъ косолапые медвѣди перебираютъ.

И у лѣшаго колѣнки сами собой зашевелились. Да стыдно стало. Знакомый лѣсниковый песъ Мухоморъ рядомъ съ нимъ, на заднія лапы вставъ, тоже въ окошко заглядывалъ. Неловко при немъ степенному лѣшему приплясывать.

А звѣзда на елкѣ, больше всего она лѣшему понравилась, дрожитъ — полъ-то, вѣдь, трясется, — дрожитъ-искрится... Глазъ съ нея лѣшій не сводитъ.

* * *

Сидитъ лѣшій на голой ракитѣ въ школьномъ саду, ждетъ-прислушивается. Гудитъ крыльцо, на морозѣ дѣтскіе голоса и мужицкое кряканье далеко разносятся. Потянулись мимо плетня въ обратный путь дровни, пузатыя лошадки застоялись — бѣгутъ, и кнута не надо. Колокольчикъ одинъ за другимъ въ лѣсную чащу нырнулъ и сгинулъ. Разошлись и пѣшіе изъ ближнихъ деревень, да кто былъ здѣшній.

Слѣзъ осторожно лѣшій. Никто его не примѣтилъ, — разберешь развѣ въ морозной мглѣ, шалашъ ли въ саду стоитъ, либо лѣшій на ракитѣ сидитъ...

Слѣзъ и прокрался отъ бани къ колодцу, отъ колодца къ школѣ. Темно въ окнахъ. Лунный свѣтъ на полу оконный переплетъ отпечаталъ.

Сторожъ Михей спать ушелъ, ослабѣлъ. Мужички ему въ сѣняхъ поднесли, а какой же сторожъ отъ винца отказывается? И учитель, поскрипывая калошами, прошелъ къ себѣ наискось черезъ бѣлый выгонъ. Вонъ за больницей, въ угловой избѣ керосиновый язычекъ вспыхнулъ...

Потянулъ лѣшій носомъ: человѣчьимъ тепломъ пахнетъ... Посмотрѣлъ вверхъ, — форточка въ окнѣ настежь распахнута, забылъ сторожъ прикрыть. Маленькіе зеленые глазки подъ косматыми бровями загорѣлись, какъ зрачки у кошки, когда она съ порога увидитъ, что дверь въ чуланъ забыли прикрыть.

Щелкнулъ лѣшій языкомъ, горсть снѣга для освѣженія въ пасть забилъ и началъ вытягиваться... На то онъ и лѣшій: могъ въ вышину рости хоть до сосновой верхушки, могъ и до лопуха снизиться. Вытянулся лѣшій, тонкій-тонкій сталъ, какъ камышинка. Закачался, склонился и сквозь форточку пролѣзъ, словно цѣпкій хмѣль вдоль шеста.

Въ комнатѣ опять сократился до своей обычной лѣсной порціи. Глаза зорки, лунный свѣтъ по полу и по стѣнамъ играетъ, — осмотрѣлся лѣшій. Тѣсно ему, — никогда въ комнатѣ не бывалъ. На стѣнѣ карта: „Россія". Посмотрѣлъ, понюхалъ, не понялъ. Онъ и не зналъ, — гдѣ-жъ ему знать? — что онъ самъ въ Россіи живетъ, въ самомъ сердцѣ ея — въ Орловской губерніи, въ Болховскомъ уѣздѣ. А рядомъ съ картой знакомое: таблица грибовъ. Ловко! Вонъ грузди, а вонъ сыроѣжки съ оборочкой, а надъ ними тугой рыжикъ... Корявымъ пальцемъ потрогалъ. Что за штука! Всѣ плоскіе... Какъ это такъ устроено? За таблицу посмотрѣлъ — ничего нѣтъ, гладкая стѣна. Крякнулъ и отошелъ. Въ школьный шкафъ сквозь стекло заглянулъ: на полкахъ чучела синички, иволги, лазоревой сойки... Все знакомыя!

Пощелкалъ имъ лѣшій пальцами, — не отзываются. Спятъ, что-ли? Но почему-жъ глаза открыты?

Подошелъ къ елкѣ, покосился на зеленую верхушку и ахнулъ: звѣзду забыли снять!

Ужели пропустить такой случай?.. Вотъ какъ только ее голой рукой взять? Помнитъ лѣшій, какъ изъ забытаго костра въ лѣсу алый

уголекъ вытащилъ — поиграть, — волдырь (во какой!) на ладони вскочилъ.

Ничего, сорветъ, на полъ броситъ, а потомъ въ тряпицу — вонъ въ углу валяется — завернетъ.

Вытянулся, выросъ до потолка, протянулъ лапу... отдернулъ... опять протянулъ и хвать за звѣзду.

Не жжется! Совсѣмъ, совсѣмъ холодная, словно листъ кувшинки. Не сталъ дальше ничего и разсматривать, зажалъ звѣзду въ

лапу, въ другую горсть огарковъ съ елки обобралъ и сквозь форточку, въ складную сажень вытянувшись, скорѣй на волю. У плетня коврижку-пряникъ на снѣгу поднялъ, видно, школьникъ обронилъ,—пригодится, — и бѣгомъ, на ходу приплясывая и весело подхрюкивая, побѣжалъ, старый дуралей, къ лѣсу.

* * *

Песъ Мухоморъ отошелъ отъ лѣсной сторожки. Что такое? Почему огонекъ въ лѣсу подъ старой елью засвѣтился? И второй. И третій.

Надо провѣрить: лѣсникъ-хозяинъ на елку въ школу ушелъ, не вернулся, — у кума кузнеца до утра застрялъ, — песъ за него хозяиномъ въ лѣсу остался.

Подкрался Мухоморъ къ елкѣ, за снѣжнымъ бугромъ притаился... Высунулъ морду, глазамъ не вѣритъ...

Сидитъ лѣшій подъ пушистой елью, свѣчки вдоль нижней вѣтки рядкомъ золотыми глазами мигаютъ, въ одной рукѣ у лѣшаго звѣзда съ елки, въ другой пряникъ... Задралъ лохматую голову и тоненькимъ голоскомъ (всѣ слова перепуталъ) напѣваетъ:

— „Борода! Борода!
Посконная Коляда!
Отпирай пирога,
Выноси ворота!
Отворяй лепешки!
Подавай окошки"!.. —

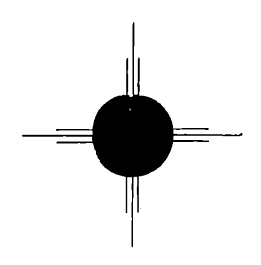
А потомъ пряникъ на снѣгъ положилъ, звѣзду надъ головой поднялъ и давай приплясывать вокругъ елки, всѣ ухватки дѣвочки Тани переанялъ...

Подползъ песъ на брюхѣ поближе (лѣшій его и не замѣтилъ, очень ужъ расплясался), обнюхалъ пряникъ и съѣлъ до крошки. По-

вернулъ назадъ къ своей избушкѣ, губы облизиваетъ, вкусно! — и думаетъ, — задалъ ему лѣшій загадку:

„Какъ онъ свѣчки зажегъ безъ спичекъ-то? Откуда у него спички? И свѣчи откуда добылъ и звѣзду... и пряникъ“?

Спички лѣшему ни къ чему: у него и кремень и кусокъ желѣзной подковы и трутъ — все въ лѣсу подъ камнемъ хранилось, — давно онъ у человѣка научился костры въ лѣсу разводить. А откуда свѣчки, звѣзда и пряникъ — кто сказку эту прочелъ, самъ знаетъ.

Самое страшное.

онечно, „страшное“ разное бываетъ. Акула за тобой въ морѣ погонится, еле успѣешь доплыть до лодки, черезъ бортъ плюхнуться... Или пойдешь въ погребъ за углемъ, уронишь совокъ въ ящикъ, наклонишься за нимъ, а тебя крыса за палецъ цапнетъ. Благодарю покорно!..

Самое страшное, что со мной въ жизни случилось, даже и страшнымъ назвать трудно. Стряслось это среди бѣла дня, вокругъ янтарный иней на кустахъ пушился, люди улыбались, ни акулъ, ни крысъ не было... Однако до сихъ поръ, — а ужъ не такой я и трусъ, — чуть вспомню, — по спинѣ ртутная змѣйка пробѣжитъ. Ужаснешься... и улыбнешься. Разсказать?

* * *

Былъ я тогда „приготовишкой“, маленькимъ стриженымъ человѣкомъ. До сихъ поръ карточка въ столѣ цѣла: глаза черносливками,

лицо серьезное, словно у обиженной дѣвочки, мундирчикъ, какъ на карликѣ, морщится... Учился въ бѣлоцерковской гимназіи. Кто-жъ Бѣлую-Церковь не помнитъ:

„Луна спокойно съ высоты
Надъ Бѣлой-Церковью сіяетъ"...

Рядомъ съ мужской гимназіей помѣщалась женская. У мальчиковъ дворъ былъ для игръ и прогулокъ, у дѣвочекъ — садъ. А между ними китайская стѣна, чтобы другъ другу не мѣшали.

Помню передъ самыми рождественскими каникулами холодъ былъ дѣтскій: градусовъ всего пять-шесть. Выпустили насъ, гимназистовъ, и верзилъ и маленькихъ на большой перемѣнѣ во дворъ провѣтриться. Въ пальто, конечно, чтобы инфлуэнцы не схватить (тогда гриппъ инфлуэнцой называли).

Характеръ былъ у меня особенный. У маленькихъ собаченокъ нерѣдко такая склонность замѣчается: ни за что съ маленькими собаками играть не хотятъ, все за большими гоняются... Такъ и я. Крѣпость-ли снѣжную шестой-седьмой классъ въ лобъ беретъ, либо въ лапту играютъ, — я все съ ними. Визжать помогаю, мячъ подаю, дѣла не мало. Привыкли и они ко мнѣ, прочь не гнали. И прозвали „Колобокъ," потому что голова у меня была круглая, а шинель очень толстая, стеганая, вродѣ подушечки для втыканія булавокъ.

Увязался я и на этотъ разъ за взрослыми. Мячъ подъ небеса, я наперерѣзъ за мячомъ. Ловить, само-собой, остерегаюсь, — литой, черный мячъ, руки обожжетъ. А такъ, если мимо всѣхъ рукъ хлопнется, летишь за нимъ чертомъ, галоши на ходу взлетаютъ, — и подаешь кому надо. Опять на свое мѣсто станешь и ноги ромбомъ поставишь. Такая ужъ позиція была любимая: передъ тѣмъ, какъ по мячу шестиклассникъ лопаткой ударитъ, его подручный мячъ кверху подбрасываетъ. А ты за нихъ волнуешься, и на кривыхъ ножницахъ, словно паяцъ на ниткѣ, дергаешься.

И вотъ на мою бѣду, ребромъ по мячу попало, полетѣлъ онъ низко надъ головами косой галкой прямо въ женскій садъ за стѣнку. Стѣнка ростомъ въ полтора Созонта Яковлевича (надзиратель у насъ такой былъ, вродѣ складной лѣстницы). Что дѣлать?

На свое горе я сгоряча и вызвался. Приготовишки очень, вѣдь, къ героическимъ поступкамъ склонны, во снѣ на тигра одинъ на одинъ съ перочиннымъ ножомъ ходятъ... А взрослые балбесы обрадовались. Подхватили меня подъ руки и, какъ самоваръ станціонный, къ стѣнкѣ поволокли. Одинъ сталъ внизу, руками и головой въ стѣну уперся, другой на него — вродѣ римской осадной колонны.

Подхватили меня, подъ нѣкоторое мѣсто хлопнули — ухъ! — взлетѣлъ я на стѣнку, на рукахъ по ту сторону повисъ... Снѣгъ мягкій, шинель толстая — ничего! И полетѣлъ внизъ въ полной безпечности легкимъ перышкомъ на ватной подкладкѣ.

* * *

Вылѣзъ я изъ сугроба, снѣгу наѣлся, по спинѣ порція мороженаго потекла. Руки и ноги цѣлы. По поламъ себя хлопаю, снѣгъ отряхиваю, глазъ не подымаю — некогда. И вдругъ изъ-за всѣхъ кустовъ, словно стадо поросятъ кипяткомъ ошпарили, визгъ невообразимый... Справа дѣвочки, слѣва дѣвочки, сзади дѣвочки... Тысячи дѣвочекъ, милліоны дѣвочекъ... Маленькія, среднія, большія, самыя большія.

А впереди краснощекая, толстая, ватрушка воинственная въ капорѣ, надсаживается — кричитъ:

— Идите всѣ сюда! Мальчикъ къ намъ въ садъ свалился!

Съежился я, какъ мышь въ мышеловкѣ. Стѣна за спиной до неба выросла. Предателей моихъ не видно, не слышно... Гдѣ моя любимая мужская гимназія? Куда удирать? Какъ я изъ этого осинаго гнѣзда выдерусь?! Снѣгъ на моемъ затылкѣ горячій-горячій сталъ. Въ ушахъ сердце, какъ паровая молотилка, бьется.

А дѣвочки по всѣмъ правиламъ осады кругъ сомкнули, смолкли и смотрятъ. Синіе глаза, сѣрые глаза, каріе глаза, голубые глаза — острые, ехидные по всей моей восьмилѣтней душѣ ползаютъ... Колютъ, жалятъ, въ одинъ пестрый глазъ сливаются. Онѣ, дѣвочки, храбрыя, когда мальчикъ одинъ!

И все ближе и ближе... Это тебѣ не тигръ во снѣ. Не акула въ морѣ. Не крыса въ погребѣ.

Тысяча губъ раскрываются, перешептываются: щу-шу, шу-шу... Язычки, какъ жала, высовываются. И вдругъ одна фыркнула, другая захлебнулась, третья по колѣнкамъ себя руками хлопнула и какъ прыснутъ всѣ, какъ покатятся... Воробьи съ кустовъ такъ и брызнули. А я посрединѣ — одинъ, какъ мученикъ на кострѣ.

Стянули онѣ кругъ тѣснѣе. Еще тѣснѣе... Когда къ дикарямъ въ плѣнъ попадешь, всегда вѣдь такъ бываетъ: прежде чѣмъ плѣнника поджарить, отдаютъ его женщинамъ — помучить... Господи, до чего мнѣ страшно было! Можетъ быть онѣ меня подбрасывать станутъ? Или защекочутъ, какъ русалки? Каждая въ отдѣльности ничего, но когда ихъ тысячи, — мышей, напримѣръ, — что онѣ съ епископомъ Гаттономъ сдѣлали?!..

Но онѣ ничего. Только еще ближе подобрались. Одна постарше наклонилась, фуражку мою подняла, бокомъ на меня надѣла. Другая со щеки у меня снѣжокъ смахнула. Третья по головѣ погладила... Какая-то ехидна подскочила, еловую лапу надъ головой дернула, — всего меня снѣгомъ обкатила. Начинается!

Стою я пунцовый. И со страху въ ярость приходить начинаю. Мускулы подъ шинелью натянулъ. Какъ сталь! Что жъ, думаю... погибать такъ съ трескомъ! Сто дѣвочекъ на лѣвую руку, сто на правую! Брыкаться — кусаться буду... И не выдержалъ, въ позу сталъ и головой слегка впередъ боднулъ.

А онѣ опять, какъ зальются. Словно весь садъ битымъ стекломъ посыпали.

И первая, ватрушка воинственная, вдругъ сбоку нацѣлилась и рукой меня за носъ... Чайникъ я ей съ ручкой что ли?! Обидно мнѣ стало ужасно... Посмотрѣлъ вверхъ на гимназическую стѣну, фуражку козырькомъ на свое мѣсто передвинулъ и издалъ пронзительный крикъ:

— Шестой и седьмой классъ! На помощь! Дѣвченки меня му-ча-ютъ!!!...

Да развѣ ихъ перекричишь... Такой смѣхъ поднялся, такой визгъ, такое улюлюканье, словно въ аду, когда, помните, гоголевскій запорожецъ съ вѣдьмой въ дурачки игралъ... Такъ бы я, быть можетъ, и погибъ...

Но на мое счастье, вижу издали словно облако, сѣдая дама плыветъ — въ сѣрой шубкѣ, на головѣ серебристая парчевая шапочка. Подошла. Дѣвченки всѣ сразу ангелами, божьими коровками стали. Разступились, шубки оправили... Отъ реверансовъ снѣгъ задымился...

А я, маленькій, вросъ въ снѣжную грядку, стою посрединѣ и дышу, какъ загнанный олень.

Посмотрѣла на меня дама въ очки съ ручкой, которые у нея на шеѣ висѣли, мягко улыбнулась и спрашиваетъ:

— Вы, какъ сюда, дружокъ, попали?

Представьте себѣ, — тишина кругомъ, словно на сѣверномъ полюсѣ. Всѣ смотрятъ, ждутъ, что я отвѣчать буду, а я совсѣмъ, со-

всѣмъ начисто съ перепугу забылъ, зачѣмъ я въ садъ свалился. Будто я и не приготовишка, а „Капитанская дочка", и сама Екатерина Великая со мной разговариваетъ. И уши до того горятъ, что и сказать невозможно...

Взяла меня сѣдая дама пальцемъ подъ подбородокъ, подняла мою замороченную голову и опять спрашиваетъ:

— Какъ васъ зовутъ?

Ну это я кое-какъ, слава Богу, вспомнилъ. Но отъ робости ни съ того ни съ сего шепелявить сталъ:

— Шаша.

Опять вокругъ ехидныя дѣвочки захихикали. Не громко, конечно, но все равно же обидно.

Дама на нихъ строго оглянулась. Точно холоднымъ вѣтромъ смѣшокъ сдуло. Только за спиной тихо-тихо (слухъ у приготовишки острый!) шипѣніе слышу:

— Шашечка! Промокашечка... Таракашечка...

А дамѣ, конечно, любопытно. Не аистъ же меня въ женскую гимназію принесъ.

— Какъ же вы, Саша, все-таки въ садъ къ намъ попали?

И вдругъ надъ стѣнкой шестиклассная голова въ фуражкѣ появляется и баситъ:

— Извините, пожалуйста, Анна Ивановна! Мячъ у насъ черезъ стѣнку перелетѣлъ. Мы гимназистика этого въ садъ и перебросили.

Но дама его, какъ классный наставникъ, очень строго на мѣсто поставила:

— Стыдитесь! Большіе — маленькаго подвели. Да и гдѣ онъ тутъ въ снѣгахъ-сугробахъ мячъ вашъ найдетъ?

— Да онъ самъ вызвался.

— Не возражать. Сейчасъ же пришлите кого-нибудь къ нашей парадной двери, чтобы его въ классъ отвели. Слышите?

И шестиклассная голова сконфуженно нырнула за стѣнку.

— Вамъ тоже стыдно, медамъ! Развѣ такъ можно? Точно зайца на охотѣ обступили... Слава Богу, не всѣ же здѣсь маленькія... Могли бы и умнѣй поступить.

Тутъ ужъ дѣвченкина очередь пришла: покраснѣли многія,

какъ клюковки. А одна гимназисточка, ростомъ съ меня, тихонько мнѣ руку сочувственно пожала.

Довела меня сѣдая дама сама до калитки. Руку на плечо положила. Сразу мнѣ легче стало...

Расшаркаться я даже не догадался, побѣжалъ къ парадным дверямъ: да и время было, — колокольчикъ во всю глотку заливался... Кончилась, значитъ, большая перемѣна, — кончились и мои мученія...

На елку въ женскую гимназію, какъ ни уговаривала меня няня, я не пошелъ.

— Почему?

— Не пойду.

— Да почему же?

— Не пойду, не пойду!

Няня только головой покачала:

— Фу, козелъ упрямый... Ужъ попомни мои слова, сошлютъ тебя когда-нибудь въ Симбирскъ.

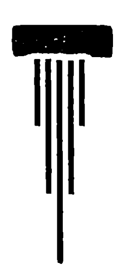
Няня наша въ географіи плохо разбиралась и что Сибирь, что Симбирскъ — для нея было все едино.

Такъ я дома и остался. А поздно-поздно старшая сестра-гимназистка съ елки вернулась, цѣлый ворохъ игрушекъ мнѣ на постель вывалила —

И сказала таинственно:

— Онѣ очень раскаиваются. Очень жалѣли, что ты, козявка, не пришелъ и прислали тебѣ съ елки подарки.

А я головой въ подушку зарылся и въ отвѣтъ только голой пяткой брыкнулъ.

Няня Пушкина.

„Подруга дней моихъ суровыхъ,
Голубка дряхлая моя“...

(*Пушкинъ*).

Сквозь льдистое оконце
Съ морозной вышины
Глядитъ литое донце
Серебряной луны.
По кровлѣ вѣтеръ пляшетъ,
Гудитъ въ ночномъ саду
И снѣгъ волнистый пашетъ
На скованномъ пруду...
Но здѣсь въ углу родимомъ
Ночной не страшенъ кликъ:
Лампада алымъ дымомъ
Ласкаетъ темный ликъ.
Не спится старой нянѣ.
Лежанка, какъ огонь...
Прошелестѣли сани,
Зафыркалъ бодрый конь.
Бревно въ углу стрѣльнуло,
Морозъ, что часъ лютѣй.
Котъ моется у стула.
Зоветъ-сулитъ гостей.
Прислушалась, привстала:
Часовъ старинныхъ хрипъ,
И за стѣной средь зала
Шаговъ знакомыхъ скрипъ.

* * *

Вошла ворчунья въ зальце,
Зажавъ въ рукѣ костыль...
Со свѣчки каплетъ сальце,

Трещитъ-чадитъ фитиль,
Бумага грудой бѣлой
Разрыта на столѣ,
Лѣсокъ оледенѣлый
Сверкаетъ на стеклѣ.

Надъ ширмой, какъ заплата,
Сухой полыни клокъ.
Цвѣтная кисть халата
Взлетаетъ мѣрно вбокъ...
„Опять, неугомонный,

Проходишь до утра,
Какъ домовой безсонный?
Давно въ постель пора!“
Сняла нагаръ со свѣчки.
Котъ входитъ важно въ залъ.

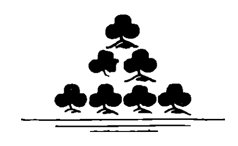
Поэтъ у жаркой печки
Скрестивши руки сталъ.
Въ саду — глухіе вскрики
И лунныя межи...
„Дай, старая, брусники,
Да сказку разскажи...“

* * *

На стареньком диванѣ
У мерзлаго окна
Дремотный голосъ няни,
Какъ плескъ веретена.
Въ рукахъ мелькаютъ спицы,
Трясется голова,
И вьются небылицы —
Волшебныя слова:
Про лѣшаго Антипку,
Про батрака Балду,
Про золотую рыбку,
Про кузнеца въ аду...
Зардѣлось въ залѣ лѣто,
Шумитъ-шуршитъ травой.
Въ простѣнкѣ тѣнь поэта
Съ курчавой головой...
А котъ все горбитъ шубу,
Не тотъ-ли это котъ,
Что былъ прикованъ къ дубу
У синихъ-синихъ водъ?
„Распѣлась... Вотъ чечотка!
Смотри, въ саду — свѣтло“.
И креститъ няня кротко
Любимое чело.

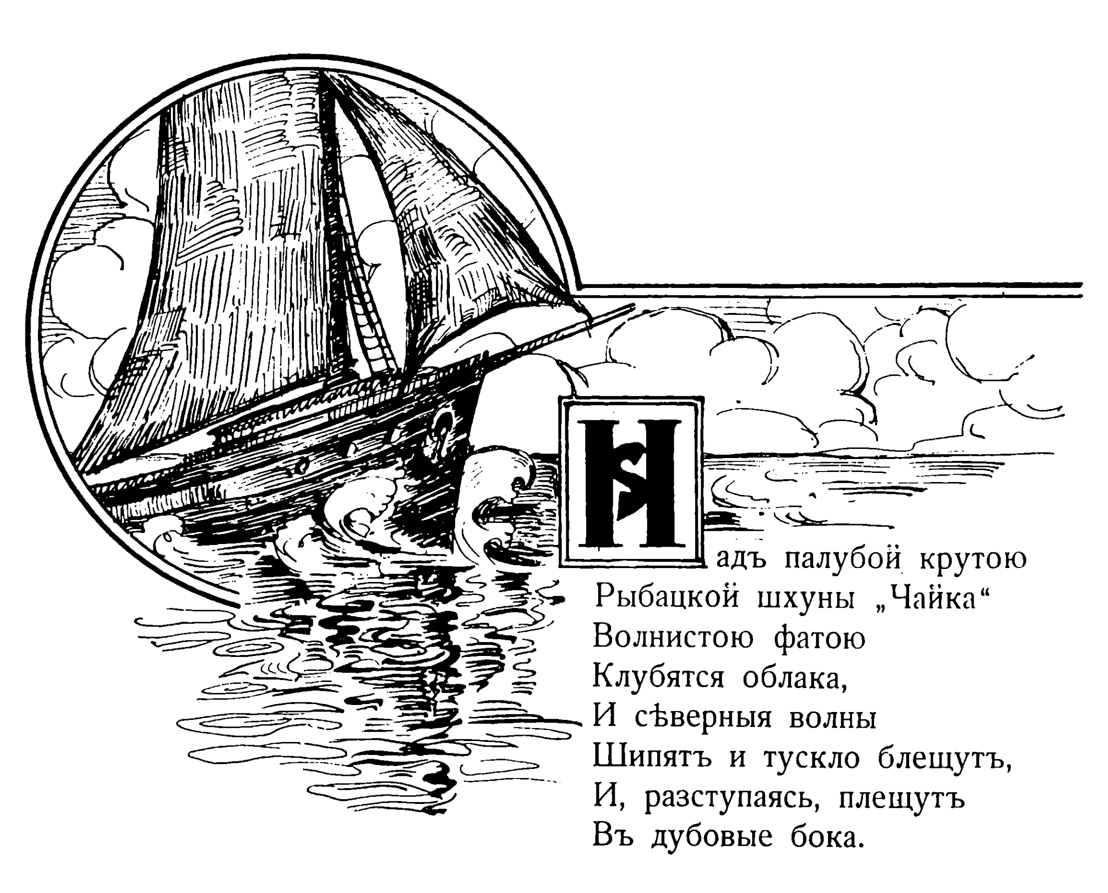
* * *

Не спится дряхлой нянѣ.
Всѣ косточки болятъ...
Въ оранжевомъ туманѣ
Мерцаетъ тихій садъ.
Завыли псы. Не волкъ-ли?
Въ окнѣ сугробъ — копной.
Шаги за стѣнкой смолкли.
„Улегся. Спи, родной...“
За снѣжнымъ перелѣскомъ, —
Не гость-ли? Охъ, Творецъ! —
Залился ровнымъ плескомъ
Веселый бубенецъ.
Быть можетъ, другъ столичный?
Пойти-бы на крыльцо...
Бесѣды, хохотъ зычный,
Шипучее винцо...
Вотъ Сашенькѣ-бъ утѣха!
Сидитъ въ снѣгахъ, какъ волкъ.
Но отзвенѣло эхо,
И колокольчикъ смолкъ.
Пора вставать. Поспала.
Въ углу бѣлѣетъ печь...
Баранки обѣщала
Она ему испечь.

Ломоносовъ отрокъ.

I.

Надъ палубой крутою
Рыбацкой шхуны „Чайка"
Волнистою фатою
Клубятся облака,
И сѣверныя волны
Шипятъ и тускло блещутъ,
И, разступаясь, плещутъ
Въ дубовые бока.

*

Порою мысъ горбатый, —
Усѣянъ голышами, —

Мелькнетъ спиной покатой
И пѣнистой каймой,
Да сосенки на взгорьѣ,
Распластаны на части,
Поклонятся сквозь снасти
И сгинутъ за кормой.

*

У мачты мальчикъ зоркій
Сидитъ и смотритъ въ море:
Встаютъ и льются горки
Расплавленнымъ стекломъ...
Онѣ напѣвомъ пѣсни,
Согласными рядами,
Плывутъ-плывутъ грядами,
Поютъ морской псаломъ.

*

Сквозной игрой лучистой
Заголубѣла льдина...
Куда стремится льдистый
Сверкающій алтарь?
А подъ кормой изъ влаги,
Блеснувъ спиною гладкой,
Взвилась косою складкой
Невѣдомая тварь.

*

Такъ рано сникло солнце...
И парусъ вздулся туже.
Мерцаютъ веретенца
Безчисленныхъ свѣтилъ.
И мальчикъ смотритъ-смотритъ:
Кто мудрый, въ синемъ мракѣ
Исчислитъ Божьи знаки,
Ихъ горній путь и пылъ?

*

Всталъ мѣсяцъ въ дымномъ свѣтѣ...
Горитъ фонарь на бакѣ.
Отецъ готовитъ сѣти,
И рыбаки молчатъ.
Кто отроку разскажетъ
О чужеземныхъ странахъ,
О теплыхъ океанахъ,
Про звѣздный вертоградъ?

*

Въ огромномъ Божьемъ домѣ —
Подводныя теченья,
Луна въ полночной дремотѣ,
Цвѣтенье льдистыхъ глыбъ...
Тамъ въ городахъ далекихъ
Есть книги, карты, школы,
А здѣсь лишь парусъ голый,
Да груды влажныхъ рыбъ...

II.

Игрушка непогоды,
Заплылъ фрегатъ заморскій
Въ невѣдомыя воды,
Къ холоднымъ берегамъ.
Вверху — грядою скалы,
Внизу, бѣдны и грубы,
Поморскихъ хижинъ срубы,
Да птицъ полярныхъ гамъ.

*

Юнецъ со шхуны „Чайка“

Плыветъ къ фрегату въ шлюпкѣ,—
У ногъ сѣдая лайка
Сидитъ, задравши носъ.
По лѣсенкѣ висячей
Вскарабкался онъ лихо,
За нимъ, качаясь тихо,
Пушистый лѣзетъ песъ.

*

Матросы гостю рады,
И песъ такой забавный...
Точеныя наяды
Круглятся на носу.
Веселый рыжій юнга
Взялъ мальчика за плечи.
Слова нерусской рѣчи,
Какъ щебетъ птицъ въ лѣсу.

*

Трапъ внизъ и входъ, какъ норка...
Ступеньки, переходы, —
Приплывшій въ шлюпкѣ зорко
Глядитъ по сторонамъ.
А рядомъ юркій юнга
То вверхъ, то внизъ ныряетъ,
Смѣется, словно лаетъ,
Бьетъ лапой по штанамъ.

Средь низкой, темной залы
Забавный гость ни съ мѣста, —
Напрасно рыжій малый
Прочь тянетъ за кафтанъ...
На гнутой ножкѣ глобусъ!
На полкахъ книжекъ горы,
И мѣдные приборы,
И карты звѣздныхъ странъ!..

*

Но буквы непонятны...
Онѣ, какъ кладъ зарытый, —
Слова — нѣмыя пятна
На корешкахъ тугихъ.
Въ глазахъ вскипаютъ слезы...
Очнулся отрокъ русскій
И лѣстницею узкой
Поднялся и притихъ.

*

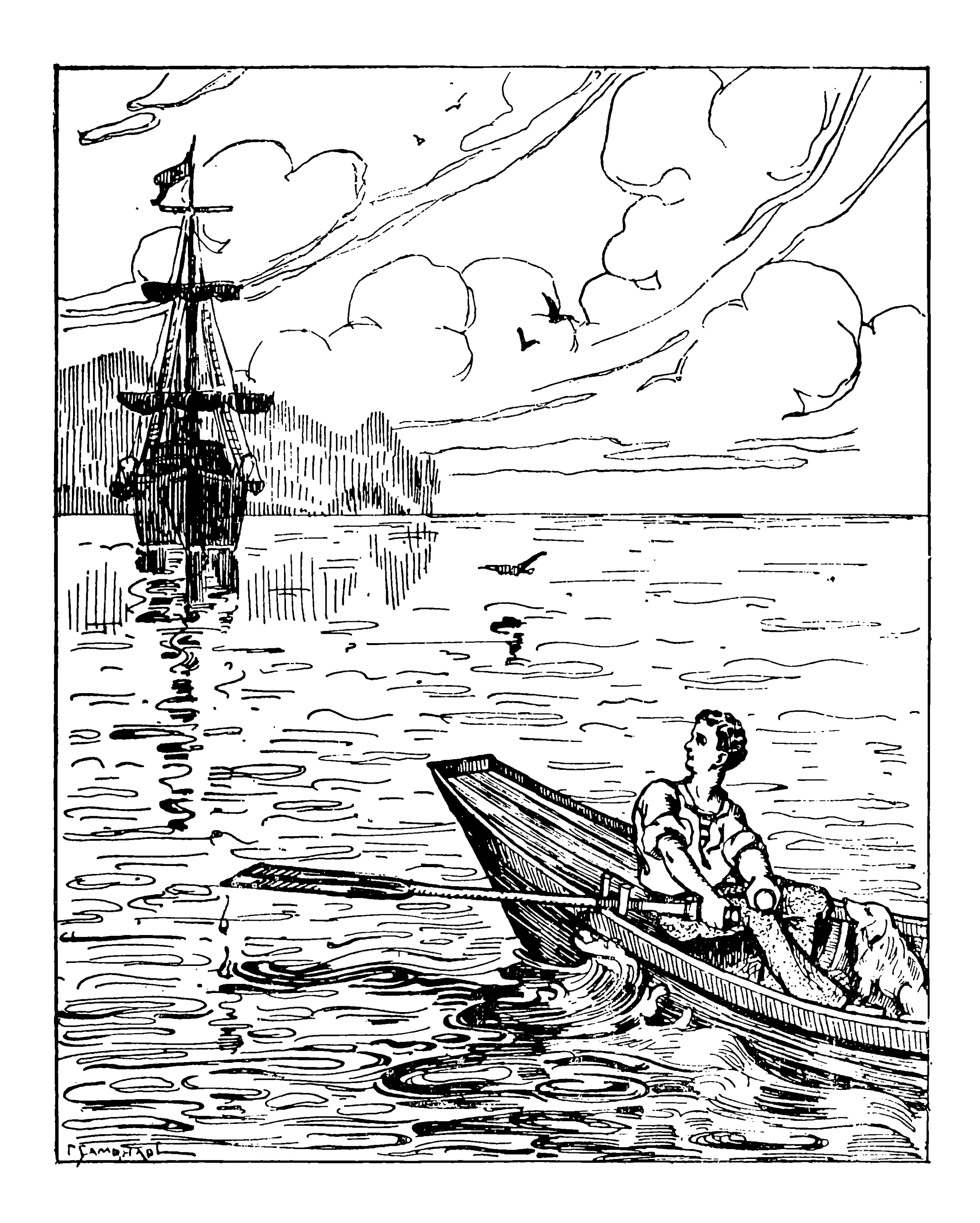
Глухонѣмымъ чурбаномъ
Простился съ моряками.
На западѣ багряномъ
Суровая печаль.
Скрипятъ и гнутся весла.
Къ ногамъ прижалась лайка,
И съ дѣтскимъ плачемъ чайка
Метнулась къ тучамъ вдаль.

*

Подмокла соль въ лукошкѣ, —
Пускай бранятъ на шхунѣ...
Лучъ въ облачномъ окошкѣ,
Какъ смутный, дальній зовъ...
Въ душѣ зардѣлся факелъ,
И тысячи вопросовъ
Плывутъ изъ за утесовъ,
Изъ за глухихъ лѣсовъ!

III.

Надъ кровлей вьются хлопья,

Снѣга шипятъ-дымятся,
И весла, словно копья,
Чернѣютъ у стѣны.
Съ сугробовъ, съ крышъ, съ
заборовъ
Несется пыль сѣдая,
И вьется, осѣдая,
Вдоль Сѣверной Двины.

*

Передъ оконцемъ снѣжнымъ,
Въ пустой избѣ мерцая,
Горитъ тюльпаномъ нѣжнымъ
Огарокъ восковой.
Надъ книгой — тихій отрокъ...
Буранъ стучится въ сѣни.
По балкѣ ходятъ тѣни.
Въ трубѣ протяжный вой.

*

Въ ногахъ медвѣжья полость...
Весь вечеръ — безъ попрековъ:
Отецъ уѣхалъ въ волость,
А мачеха въ гостяхъ.
Въ грамматикѣ славянской
Перечиталъ всѣ строчки.
Въ углу, какъ грибъ на кочкѣ,
Спитъ лайка на сѣтяхъ.

*

Треща погасла свѣчка.
Влѣзъ мальчикъ на полати.
Подъ полостью въ колечко
Свернулся, словно котъ.
Въ часы ночного мрака
Въ душѣ встаетъ чредою,
Какъ звѣзды надъ водою,
Знакомый хороводъ:

*

Чудесный залъ фрегата, —
Приборы, книги, глобусъ!
Скелетъ морского ската,
Полярный снопъ огней...
И Сухарева башня
Съ петровской школой новой, —
Заѣзжій гость торговый
Разсказывалъ о ней.

*

И въ часъ ночного бдѣнья
Срывается молитва:
„Ты, Свѣтъ и Утѣшенье,
Опора слабыхъ силъ!
Въ меня вдохнулъ Ты жажду, —
Тебѣ-ль ее отринуть?..
Не дай во мракѣ сгинуть
И утоли мой пылъ..."

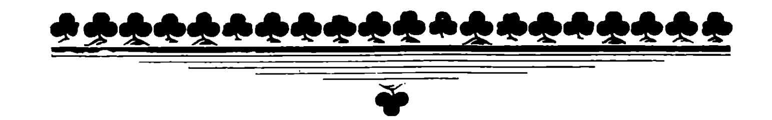
*

Мятель поетъ все тише,
Подъ полостью такъ жарко.
Въ ларѣ скребутся мыши,
Проснулись пѣтухи.
И въ головѣ безсонной
Плывутъ-плывутъ рядами
Размѣрными ладами
Невнятные стихи...

*

Трески сушеной вязки
Шуршатъ въ сѣняхъ на стѣнкѣ.
У проруби салазки
Опять забылъ убрать...

„Въ Москву!“ — вздохнула вьюга.
„Въ Москву!“ — шепнули мыши,
И снѣжный дѣдъ на крышѣ
Гудитъ: „бѣжать, бѣжать...“

Люся и дѣдушка Крыловъ.

I.

Люся легла въ кроватку. На ночномъ столикѣ аккуратно разложила свои любимыя вещи: камушекъ съ океана, безносую китайскую собачку и басни Крылова и, какъ всегда передъ сномъ, стала думать о разныхъ разностяхъ... Днемъ, вѣдь, думать трудно: то школа, то уроки, то всякіе домашніе разговоры о дядѣ Ванѣ, отъ котораго ни шерсти, ни молока...

Какого имъ молока отъ дяди Вани нужно?.. Странная публика!

Въ тишинѣ и темнотѣ совсѣмъ-совсѣмъ другія мысли въ голову приходятъ... Какъ приходятъ, — никто не знаетъ. Думаетъ, напримѣръ, Люся о мышахъ. На какомъ языкѣ разговариваютъ мыши? Есть ли у нихъ подъ поломъ мышиное училище? И вдругъ — чикъ! — мышь перепрыгнула на сѣверный полюсъ... А что если-бы на сѣверномъ полюсѣ поставить центральное отопленіе? Ледъ бы весь растаялъ, на теплой землѣ выросъ-бы Булонскій лѣсъ и можно было бы туда ле-

тать на аэропланѣ къ эскимосамъ на дачу... Для бѣлыхъ медвѣдей Люся рѣшила оставить небольшой холодный уголокъ: они, вѣдь тепла не любятъ... Ходила бы къ нимъ въ гости и кормила ихъ съ ложечки мороженымъ.

Потомъ стала думать о басняхъ. Какъ будто стихи и какъ будто не стихи. И все разговоры, а въ концѣ „мораль". Мораль — это, должно быть, выговоръ за плохое поведенье... „А я бы повару иному велѣлъ на стѣнкѣ зарубить..." И почему-то однѣ строчки въ сантиметръ, а другія длинныя-длинныя, какъ дождевой червякъ... Вотъ только „Стрекоза и Муравей" вся ровненькая...

По улицѣ прокатилъ одинокій автомобиль, рявкнулъ басомъ: „Охрипъ! Охрипъ! Охрипъ!" и умчался. Люся вздохнула, подложила подъ голову, чтобъ мягче было спать, кулачекъ и уснула.

* * *

Кто это у кроватки раскашлялся? Люся открыла глаза да заодно и ротъ — удивительно! Въ комнатѣ голубой-молочный свѣтъ. Подъ табуреткой, въ ногахъ постели колышется облако. На табуреткѣ сидитъ добродушный грузный старикъ и ухмыляется... О! Да это же онъ... Конечно! Она, вѣдь, отлично помнитъ по картинкѣ: вотъ такъ, совсѣмъ такъ сидитъ онъ на своемъ памятникѣ въ Лѣтнемъ Саду...

Дѣвочка прислонилась къ подушкѣ, посмотрѣла на облако — расплылось! — и робко спросила:

— Скажите, вы... дѣдушка Крыловъ?

Старикъ кивнулъ головой.

— Это вы мнѣ снитесь, да?

— А, можетъ быть, и не снюсь. Ты почемъ знаешь?

— Нѣтъ, снитесь... Во-первыхъ, сквозь вашу жилетку обои видно. А во-вторыхъ, кто-жъ на яву на облакѣ въ комнату приплываетъ? Да еще ночью... Консьержка-бы васъ съ облакомъ ни за что не впустила. Она сырости очень не любитъ.

— Ишь ты какая умная, Люся!

— Откуда вы знаете, какъ меня зовутъ?

Догадался. Очень твое имя къ тебѣ подходитъ: маленькая, бѣленькая, свѣтлый чубикъ, на щекахъ ямочки. Люся, да и только.

Дѣвочка разсмѣялась.

— А васъ зовутъ Василій Андреевичъ! Я тоже знаю. Только ужъ вы позвольте я васъ буду дѣдушкой звать. Къ вамъ „Василій Андреевичъ“ совсѣмъ не подходитъ. Вы не обидитесь?

— Нѣтъ. У меня васъ, внучатъ — милліонъ и одинъ. Стало быть — дѣдушкой и зови.

— Спасибо, дѣдушка. Очень я рада, что вы пришли. Очень! Только сядьте въ креслице. Табуретка твердая, и я боюсь, чтобы вы не растаяли, какъ ваше облачко...

Дѣдушка Крыловъ осторожно ткнулъ себя пальцемъ подъ ребра и улыбнулся.

— Ничего. Съ полчаса продержусь. А въ креслице твое куда же мнѣ, большому, влѣзть? Все равно, что слона въ твои башмачки обувать...

— Ну, сидите на табуреткѣ. Шеколадку хотите? У меня подъ вашими баснями всегда плиточка. Проснусь, пожую и опять усну. Мягкая, вы не бойтесь... Не хотите? Слушайте, дѣдушка, у меня много-премного вопросовъ. Взрослыхъ я уже и не спрашиваю, они меня всегда на смѣхъ подымаютъ, а сами ничего не понимаютъ, вродѣ вашей мартышки, которая пенснэ на хвостъ нанизывала. Очень мнѣ ваши басни нравятся! Больше китайской собачки. Но вотъ только... Можно спросить?

— Спрашивай.

— Напримѣръ, „Ворона и Лисица“. Я была въ парижскомъ Зоологическомъ Саду, нарочно провѣряла. Принесла съ собой тартинку съ сыромъ, сунула лисицѣ въ клѣтку, — а она не ѣстъ! Ни за что не хотѣла ѣсть... Какъ же такъ? Чего же она къ воронѣ лѣзла со своими комплиментами? „Ахъ, шейка!“ „Ахъ, глазки!“ Скажите пожалуйста!..

Крыловъ огорченно крякнулъ и только руками развелъ.

— Не ѣстъ, говоришь, сыру... Ишь ты? Я и не подумалъ. И у Лафонтена, который басни по французски писалъ, тоже — сыръ. Что-жъ дѣлать, Люся?

— Очень просто, дѣдушка. Надо такъ: „Воронѣ гдѣ-то Богъ послалъ кусочекъ м я с а...“ Поняли? Потомъ „Лисица и виноградъ“...

Я и винограду съ собой кисточку принесла въ Зоологическій Садъ.

— Не ѣстъ? — спросилъ съ досадой дѣдушка.

— Въ ротъ не беретъ! Какъ же у нея „глаза и зубы разгорѣлись?“

— Что-же дѣлать-то по-твоему?

— Пусть, дѣдушка, цыплята сидятъ на высокой вѣткѣ. Лисица внизу прыгаетъ и злится, а они ей носъ показываютъ.

— Ладно! Вотъ, вѣдь, какая шустрая дѣвочка. Еще что? Спрашивай.

— „Лебедь, щука и ракъ“. Вы, какъ думаете, дѣдушка, если бы они всѣ вмѣстѣ въ одну сторону потянули, телѣга-бы покатилась?

— Гм... Какъ тебѣ сказать...

— Ни за что бы не покатилась! Мы лѣтомъ жили на дачѣ у океана. И на дворѣ стояла телѣга мясника. Боря храбрый: привязалъ къ телѣгѣ собаку, гуся и котенка... Стали мы ихъ погонять, они всѣ въ одну сторону потянули, а телѣга ни съ мѣста. Вотъ вамъ и „мораль“.

Дѣдушка обидѣлся:

— Я думалъ, Люся, что ты умная, а ты совсѣмъ еще козявка. Слона, что-ли мнѣ запрягать...

— Совсѣмъ я не козявка. Слона не надо. Можно иначе:

„Однажды волъ, медвѣдь и лошадь
Везти съ поклажей возъ взялись...“

— Ахъ ты, пуговка! — разсмѣялся дѣдушка. — Еще что?

— — Что такое, дѣдушка, „воструха“?

— А это такая непосѣда, какъ ты.

— Ахъ, Боже мой... Мишенька такой прекрасный и такъ подружился съ пустынникомъ. И вдругъ воструха эта садится пустыннику на лобъ, глупый Мишка сгребъ въ лапочки булыжникъ... Трахъ! И „черепъ врозь раздался...“ Дѣдушка, вы такой добрый! Нельзя-ли такъ кончить, чтобы медвѣдь промахнулся, а пустынникъ проснулся и читаетъ ему мораль: „Ты, Мишка, съ ума сошелъ! Кто-жъ муху со лба булыжникомъ сгоняетъ? Возьми вѣточку и смахни...“ А Мишка, чтобы сконфузился и лизнулъ пустынника въ носъ.

— Ну, что-жъ пусть. Да ты-бы, Люся, лучше сама басни и сочиняла. А то мнѣ изъ за тебя всѣ басни перешивать придется.

— Что вы, что вы! Какая-же я послѣ васъ баснописица?.. Потомъ... про стрекозу и муравья. Муравей, по моему, безжалостный грубіянъ. Что-же такое, что стрекоза „лѣто цѣлое пропѣла?“ И соловьи поютъ, — не поступать же имъ въ шофферы въ самомъ дѣлѣ... Почему онъ стрекозу прогналъ и еще танцевать ее заставляетъ? Я тоже танцую, дѣдушка... и когда выросту, буду такая же знаменитая, какъ Анна Павлова! Что-жъ тутъ плохого? Ненавижу вашего муравья!..

— И танцуй, дружокъ, на здоровье. Я тоже муравья не совсѣмъ одобряю. И даже думаю, что когда онъ стрекозу прогналъ — ему стало стыдно... Побѣжалъ онъ за ней, вернулъ, накормилъ и пріютилъ у себя до весны...

— Въ самомъ дѣлѣ? — обрадовалась Люся. — Значитъ и мораль тогда другая будетъ: „бываютъ иногда муравьи, у которыхъ доброе сердце“. Вотъ, хорошо!... Осла, дѣдушка, тоже не надо ужъ такъ обижать. Почему онъ всегда въ басняхъ круглый囗 дуракъ? У насъ на пляжѣ осликъ былъ такой умный, что хоть въ капитаны его назначай... Дѣтей каталъ осторожно-осторожно. Другой малышъ съ сѣдла сползаетъ, на боку повиснетъ, осликъ сейчасъ же остановится и къ вожаку голову обернетъ, — чего, молъ, онъ зѣваетъ? Собака какая-нибудь глупая передъ его мордой начнетъ плясать и лаять, осликъ — нуль вниманія, идетъ да идетъ...

Китайская собачка на столикѣ вдругъ подняла фарфоровую лапку и тонко-претонко залаяла:

— Тявъ-тявъ! Странная дѣвочка! Я изъ Китая. По-русски понимать только у тебя и научилась, когда ты мнѣ басни Крылова вслухъ читала. Мнѣ четыреста тридцать восемь лѣтъ, а тебѣ только семь... Тявъ! Поэтому ты еще ничего не понимаешь. Лисица, говоришь, сыра и винограда не ѣстъ? А кукла твоя супъ ѣстъ? Однако, ты ее каждый день супомъ кормишь. Въ пушку ты божью коровку лѣтомъ запрягала? Когда ты на Борины глупости вчера разсердилась, какъ ты его назвала? — Еще тебѣ досталось за это... „Осломъ“ назвала. Ага!

— Цыцъ! — строго сказалъ Крыловъ. — Ты чего къ дѣвочкѣ пристала? Вотъ суну тебя въ чайникъ съ кипяткомъ, будешь знать...

Прощай, Люся, мнѣ пора. Въ воскресенье опять приду, поболтаемъ. Можетъ быть, къ воскресенью у тебя опять сто вопросовъ будетъ...

— Нѣтъ, дѣдушка, — ни одного вопроса! — жалобно крикнула Люся. — Не уходите, пожалуйста. Я-же вамъ самаго главнаго не сказала, какъ я ужасно-ужасно-ужасно васъ люблю.

Дѣдушка Крыловъ всталъ, положилъ на голову Люси добрую мягкую ладонь—точно лебяжьимъ пушкомъ погладилъ... Подъ ногами у него опять заклубилось облако... Голубой молочный свѣтъ погасъ.

* * *

Вздохнула Люся и раскрыла глаза. Вверху надъ желѣзными ставнями солнечная полоска. Подъ окномъ на дудкѣ заливается пастухъ: гонитъ стадо козъ по парижской улицѣ и зоветъ жильцовъ... Кому сладкаго козьяго молока въ кружечку надоить?.. Собачка на столикѣ лежитъ на боку и молчитъ.

Досадно Люсѣ ужасно, щеки макомъ горятъ. Какъ она могла, пусть даже во снѣ, такъ съ Крыловымъ разговаривать? Конечно, китайская собачка умнѣе ея, и, конечно, она еще козявка... Только бы дѣдушка пришелъ, только бы пришелъ въ воскресенье. Непремѣнно она извинится и прочтетъ ему всѣ любимые басни въ лицахъ, какъ она еще никогда не читала. Сыръ! Подумаешь... Да, вѣдь, она лисицѣ совала въ клѣтку простой французскій сыръ, а та, быть можетъ, только швейцарскій любитъ?

Раскрыла Люся басни и посмотрѣла на памятникъ. Нѣтъ, совсѣмъ онъ, дѣдушка Крыловъ, не сердитый. За что-жъ сердиться? Она только хотѣла узнать, да и то обо всемъ спросить не успѣла.

II.

Въ воскресенье вечеромъ Люся долго ворочалась въ постели и не могла заснуть: увидитъ или не увидитъ она опять во снѣ дѣдушку Крылова? Вѣдь, онъ обѣщалъ притти въ воскресенье снова. Неужели

забудетъ? Положимъ, русскихъ дѣвочекъ и мальчиковъ не мало. И такихъ, которые не станутъ къ нему съ разспросами приставать и басни критиковать. Вотъ онъ ихъ во снѣ и будетъ навѣщать... по очереди. Ахъ, досада какая!

* * *

Но Люся ошиблась. Заснула — и вдругъ кто-то ей въ лицо дунулъ. Открыла глаза и расплылась: дѣдушка! Сидитъ на постели въ персидскомъ халатѣ, на головѣ татарская шапочка колпачкомъ, лѣвымъ глазомъ ей подмигиваетъ.

— Здравствуй, дѣвочка. Что смотришь! Не узнала?

— Узнала! Какой у васъ костюмъ интересный... Можно погладить?

— Погладь.

— Очень къ вамъ идетъ. Точно вы большое кресло съ персидскими узорчиками... А шапочку я такую непремѣнно своему Мишкѣ сдѣлаю. Повернитесь, пожалуйста, въ профиль! Хорошо, теперь я запомнила... Дѣдушка, а я передъ вами очень, очень виновата.

— Это еще что за новости?

— Во-первыхъ, я въ прошлый разъ во снѣ ошиблась... Назвала васъ Васильемъ Андреевичемъ, а вѣдь вы... Иванъ Андреевичъ, Правда?

— Ну, бѣда не велика. Давай-ка, подумаемъ, почему ты ошиблась. Ты что днемъ читала, когда меня первый разъ во снѣ видѣла?

— „Ундину“, дѣдушка. Третій разъ читаю и начитаться не могу.

— Такъ. А кто „Ундину“ написалъ, знаешь?

— Жуковскій. Поэтъ. Гладкое такое личико, какъ яйцо, и добрые глаза.

— Знаю, знаю, какъ-же. А какъ Жуковскаго звали?

— Василій Андреевичъ!

— Вотъ и ясно! Со мной говорила, а о немъ думала. Огорчаться не стоитъ. Когда я въ Петербургѣ жилъ... давно это было...

тогда, когда еще ни твоего папы, ни мамы на свѣтѣ не было, — изучалъ я древне-греческій языкъ. Однажды, послѣ обѣда прилегъ я на диванъ. Голуби ко мнѣ въ форточку прилетали, пшеницу я для нихъ на подносѣ всегда держалъ... Ходятъ голуби по ногамъ, воркуютъ тихонько, стонутъ. Я подъ ихъ музыку и заснулъ. И увидѣлъ во снѣ старшаго греческаго бога Зевса. Будто онъ сидитъ на кафедрѣ въ бѣломъ купальномъ халатѣ, строгій такой, и оранжевую молнію въ рукѣ держитъ. А я передъ нимъ на скамеечкѣ, оробѣлъ совсѣмъ, притихъ. Зевсъ меня и началъ экзаменовать:

— Какъ по гречески „самоваръ“?

Молчу.

— Гм... А „клюква“ какъ?

Молчу.

— Гм... Какъ „Демьянова уха“? Тоже не знаешь?

Молчу.

Насупилъ Зевсъ косматыя брови, вынулъ изъ-за пазухи записную книжку и говоритъ:

— Колъ. — А колъ, дружокъ, это самая послѣдняя отмѣтка. хуже и быть не можетъ... — Какъ, — говоритъ — твоя фамилія?

А я весь затрясся, зубами стучу, еле выговорилъ:

— Иванъ Крыловичъ Андреевъ.

Видишь, какія во снѣ промашки бываютъ... Разсердился старикъ, хлопнулъ своей молніей по кафедрѣ. Дымъ, трескъ... и исчезъ. Просыпаюсь: голубь у меня на плечѣ сидитъ и меня въ пуговицу клювомъ долбитъ...

Люся всплеснула руками.

— Ай, какъ страшно!.. Дѣдушка, разскажите мнѣ про Петербургъ что-нибудь? Что вамъ въ Петербургѣ больше всего нравилось?

— Пожары. Что-жъ ты глаза вытаращила? Очень эта красивая штука. Проскачетъ по Невскому ѣздовой-пожарный и въ трубу трубитъ... Обозъ за нимъ прогремитъ... Стекла такъ и звякнутъ. Я шляпу въ руку и на улицу. Жилъ я въ Публичной Библіотекѣ вблизи Гостиннаго Двора. Посмотрю на каланчу, сейчасъ-же по сигнальнымъ шарамъ соображу, въ какой части горитъ. Сяду на дрожки и мчусь. Домъ горитъ, народу на улицѣ, какъ таракановъ за печкой. Пожарные кони землю копытами

роютъ. шеи — лебедями, трудно имъ на мѣстѣ устоять. Лѣстницы, багры, дымъ изъ подъ крыши въ узлы свивается, каски блестятъ, брандмайоръ на всю площадь басомъ распоряжается. Очень интересно!

— Постойте, дѣдушка. Я не понимаю. Какіе кони? Какая каланча? Почему шары?

— Какъ не понимаешь? Обозъ, кто привезъ? Кони. А на каланчѣ (высокая башня такая надъ Думой) всегда дежурный пожарный ходитъ: чуть гдѣ пожаръ, сейчасъ же онъ тревогу подыметъ.

— Ну... У насъ въ Парижѣ совсѣмъ не такъ. Пожарные всегда на автомобиляхъ выѣзжаютъ.

— На чемъ?

— На ав-то-мо-би-ляхъ.

— Не понимаю.

— Ахъ, дѣдушка, какой вы странный. Это такіе самокатные экипажы. Внутри бензинъ... Пыхтитъ и ѣдетъ, запахъ только очень скверный. А пожарный резиновую грушу, нажимаетъ: тяфъ-тяфъ-тяфъ! И всѣ даютъ дорогу. Очень просто.

— А лошади гдѣ?

— Лошадей никакихъ нѣтъ. И каланчи у насъ нѣтъ. Гдѣ загорится, по телефону дадутъ знать...

— Что это ты какія слова выдумываешь...

— Совсѣмъ не выдумываю. Не знаете телефона?! Съ одной стороны ящичекъ, съ другой стороны ящичекъ, посерединѣ проволока. Дзинь-дзинь! Алло! Кто говоритъ? — Люся! — Что вамъ угодно? — У насъ пожаръ. — Очень пріятно, сейчасъ пріѣдемъ... Вотъ и все... Есть и безъ проволоки. Ей-Богу, дѣдушка. Изъ Парижа спрашиваютъ: „Какъ ваше здоровье?“ — А изъ Нью-Іорка отвѣчаютъ: „Спасибо, у меня насморкъ, чего и вамъ желаю!“...

Дѣдушка недовѣрчиво покачалъ головой.

— Такъ вы, пожалуй, и про аэропланъ не повѣрите?

— Кушанье что-ли французское?

— Да, нѣтъ же! Это такая машина съ планочками, хвостомъ вертитъ, бензинъ чихаетъ, — а она людей по воздуху перевозитъ. Черезъ океанъ или черезъ Мон-Бланъ, — ей все равно...

— Скажешь! Этакъ, по твоему, и медвѣди по воздуху летаютъ! Выдумщица какая!

— И летаютъ. Изъ Москвы недавно нѣмецъ одинъ въ Берлинъ на аэропланѣ мѣдвѣжонка привезъ... Вы, дѣдушка, и про кинематографъ тоже ничего не знаете? Люди по полотну бѣгаютъ и всякую чепуху представляютъ. То-есть не люди, а фотографіи такія... Быстро-

быстро, какъ пауки по водѣ. Поѣздъ подходитъ къ мосту, жуликъ бросается въ воду, за нимъ полицейскій. Потомъ — фить! — гостинная, старичекъ-фабрикантъ ломаетъ руки: кто укралъ мою любимую картину? — Фить! — Жуликъ уже въ Африкѣ и подкрадывается къ носорогу... Фить!..

Крыловъ огорченно вздохнулъ:

— Постой, Люся. Запутала ты меня совсѣмъ. Фить, да фить. Страусы у васъ по потолкамъ еще не бѣгаютъ?

— Не бѣгаютъ, дѣдушка.

— И то, слава Богу! — Въ головѣ отъ твоихъ сказокъ звенитъ... А что за труба на столбѣ?

— Это, дѣдушка, грамофонъ.

— Ишь, ты, слово какое. Что за штука такая? Кофе мелютъ, что-ли?

— Ахъ, какой вы смѣшной! Вотъ вы сейчасъ увидите, какое это... кофе...

Люся соскочила на полъ, подбѣжала къ грамофону, выбрала одну пластинку, пыхтя, завела съ трудомъ пружину и лукаво посмотрѣла на дѣдушку.

И вдругъ изъ трубы кто-то фыркнулъ, зашипѣлъ и простуженнымъ голосомъ сталъ читать съ чувствомъ, съ толкомъ, съ разстановкой:

„К В А Р Т Е Т Ъ“.

Басня Крылова!

„Проказница-мартышка,
Оселъ,
Козелъ,
Да косолапый Мишка
Затѣяли сыграть квартетъ“...

Подошелъ дѣдушка къ говорящей трубѣ, шапочку свою отъ волненія на затылокъ передвинулъ, прослушалъ до конца и крякнулъ.

— Исторія! А, можетъ быть, труба твоя и басни сама сочиняетъ?

— Нѣтъ, дѣдушка, этого она еще не можетъ. Теперь, небось, мнѣ вѣрите? Про автомобиль, телефонъ и аэропланъ сочинила я вамъ? Хотите по телефону пожарную команду вызовемъ? Я вамъ сейчасъ номеръ розыщу, а телефонъ у насъ въ передней виситъ.

— Нѣтъ ужъ, спасибо. А китайскаго дракона ты тоже вызвать можешь?

— Прошу надъ нашимъ дракономъ не насмѣхаться! — хрипло затявкала фарфоровая китайская собачка на столикѣ.

Люся топнула на нее ногой и... проснулась. Вотъ горе! Почему же она дѣдушкѣ Крылову ни одной басни не продекламировала. Ротозѣйка несчастная!..

Желтый фургонъ.

Почему вы, мадемуазель, плачете? — спросилъ французъ городовой у маленькой дѣвочки, стоявшей на перекресткѣ улицъ подъ платаномъ въ позѣ потерпѣвшей крушеніе мореплавательницы, выброшенной на необитаемый островъ.

— Со мной случилось несчастье... — Заплаканные сѣрые глазки робко осмотрѣли огромнаго полицейскаго, и слезы быстро-быстро мелкими капельками покатились по щекамъ.

— Несчастье, мадемуазель? А вотъ вы мнѣ разскажите въ чемъ дѣло, и никакого несчастья не будетъ.

— Школьники проходили мимо нашего отеля съ музыкой... Я побѣжала за уголъ... Они такъ красиво шли въ ногу, бумъ-бумъ! И опять за уголъ... И еще за уголъ... Пока не заблудилась...

Городовой пожалѣлъ, что у него въ карманѣ не было ни простыни, ни большой скатерти. Обыкновеннымъ носовымъ платкомъ такихъ слезъ не осушишь.

— Хорошо. Вы какъ разъ натолкнулись на такого полицейскаго, который отводитъ по домамъ маленькихъ заблудившихся дѣвочекъ. Но прежде всего давайте сядемъ, вонъ тамъ скамья. Когда мы сядемъ, мы будемъ почти одного роста, и намъ удобнѣе будетъ разговаривать. Какъ васъ зовутъ?

— Нина.

— Очень красивое имя, мадемуазель. Сколько вамъ лѣтъ?

— Кажется, пять — всхлипнула дѣвочка.

— Превосходно. Самое главное мы знаемъ. Теперь перестаньте плакать и постарайтесь припомнить: на какой улицѣ вы живете.

Полицейскій досталъ изъ подъ толстаго плаща толстую книжечку, въ которой были бисернымъ шрифтомъ пропечатаны всѣ улицы, всѣ переулки, всѣ бульвары Парижа, и бережно положилъ книжечку на колѣно.

— О, господинъ полковникъ! Я уже старалась припомнить, но какъ-же я припомню, когда я не знаю названія нашей улицы? На углу у нашего отеля была прибита синяя дощечка съ названіемъ улицы, но она такъ высоко прибита, что я не могла ничего разобрать... И потомъ, господинъ полковникъ, вы меня извините, я еще не умѣю читать по французски...

— Вы очень любезны, мадемуазель Нина, но я еще не полковникъ. Какъ называется вашъ отель?

— Не знаю.

— Съ какого угла прибѣжали вы къ платану?

— Не помню...

— Не было-ли возлѣ вашего отеля какого-либо большого зданія, церкви, памятника? Подумайте хорошенько.

— Былъ. Противъ отеля стоялъ большой желтый фургонъ для перевозки мебели, но я думаю... что онъ уже уѣхалъ...

Нина горько заплакала. Всѣ дома въ Парижѣ одинаковые, послѣдняя надежда на фургонъ и та лопнула.

Полицейскій задумался..

— Какъ фамилія вашихъ родителей?

Щербаченко.

Какъ?

— Щер-ба-чен-ко.

— Какая первая буква?

— Ща.

— Гм... Такой буквы во французскомъ алфавитѣ нѣтъ. Какой-же вы національности, мадемуазель?

— Раньше была марсельской, а теперь мы переѣхали въ Парижъ.

— Да нѣтъ-же. Турчанка вы, испанка или гречанка?

Нина обидѣлась:

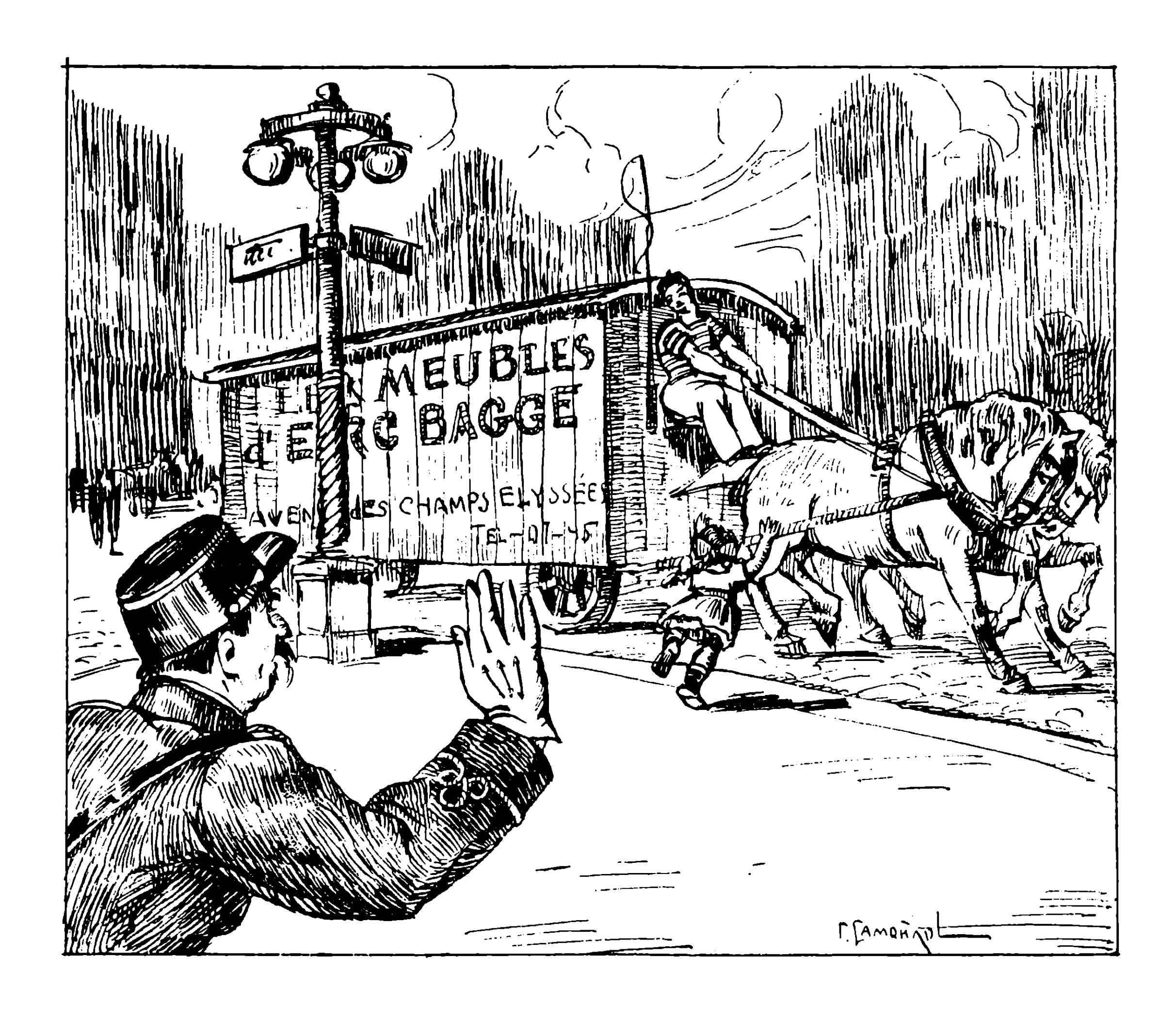
— Турчанка! А еще говорите, что вы полицейскій, который отводитъ заблудившихся дѣтей домой... Я русская! И мама моя русская и бабушка... Щербаченко!

— Да, да. Извините, мадемуазель Нина. Только у русскихъ бываютъ такія фамиліи, которыхъ по первой буквѣ ни въ одномъ алфавитѣ не сыщешь. Надѣюсь, что во время своей прогулки вы не перешли границы своего аррондисмана. Пойдемте со мной въ нашъ комиссаріатъ, какъ нибудь справимся ужъ съ вашей фамиліей. Напротивъ русскій лавочникъ торгуетъ, онъ намъ поможетъ. А по фамиліи и адресъ вашъ разыщемъ. Хорошо?

Въ комиссаріатъ? Ахъ, какъ испугалась маленькая русская дѣвочка! Мама и бабушка ждутъ, тревожатся, ломаютъ руки, выбѣгаютъ на подъѣздъ отеля и спрашиваютъ всѣхъ прохожихъ: гдѣ Нина? Не видѣли-ли вы Нины, пятилѣтней Нины Щербаченко съ синимъ бантомъ въ волосахъ? А Нина сидитъ въ комиссаріатѣ, какъ бродяжка какая-нибудь... Справа и слѣва огромные полицейскіе кричатъ на нее, чтобъ она не смѣла плакать, и пристаютъ: какая первая буква твоей фамиліи? Нѣтъ такой буквы „ща“! Боже мой, зачѣмъ она побѣжала за школьниками? Развѣ бабушка и мама не запретили ей дальше угла никуда не бѣгать?..

— Не пойду! Не пойду! Не хочу въ комиссаріатъ... Отведите меня домой!

Полицейскій вздохнулъ. Посмотрѣлъ на колотившія по скамейкѣ маленькія ножки, на трясущійся на головѣ синій бантъ... Откуда у маленькихъ дѣтей столько слезъ берется?.. Что-же съ ней дѣлать?

А вокругъ скамьи народъ собрался: старушки съ корзинками, любопытные школьники, собаки какія-то сочувственно обнюхивали нинины колѣнки. И всѣ сразу говорятъ, лаютъ, даютъ совѣты. Кто-то

сунулъ Нинѣ въ руку бананъ. До банановъ-ли ей, когда она потеряла мѣсто своего жительства?..

* * *

И вдругъ на всю улицу грохотъ. Изъ-за угла выкатилъ огромный желтый фургонъ, сѣрые кони, на козлахъ толстый французъ въ синемъ колпачкѣ, какіе школьники носятъ.

Нина всмотрѣлась и со всѣхъ ногъ бросилась къ лошадямъ: едва полицейскій успѣлъ ее за юпочку назадъ отдернуть.

— Фургонъ, фургонъ!.. Тотъ самый фургонъ, который утромъ противъ нашего отеля стоялъ!

Полицейскій поднялъ руку. Сытые сѣрые кони, похожіе на слоновъ, попятились назадъ и остановились. Веселый кучеръ, конечно, все зналъ: и названіе нининой улицы и названіе отеля...

Французы, улыбаясь, оборачивались. Въ самомъ дѣлѣ смѣшно: огромный широкоплечій полицейскій еле поспѣваетъ за маленькой пятилѣтней дѣвочкой, которая его за руку впередъ тащитъ. Точно не онъ ее, а она его ведетъ.

— Вы зайдете къ намъ, господинъ полковникъ? Пожалуйста зайдите, мама и бабушка напишутъ вамъ по французски мою фамилію... И потомъ у насъ есть вишневка... Вы не знаете, что такое вишневка? О, это очень-очень вкусно! Только, пожалуйста, не говорите, что я такъ громко плакала, и что вокругъ собрался весь Парижъ, и что вы хотѣли отвести меня въ комиссаріатъ...

— Хорошо, мадемуазель Нина... Только прошу васъ, не называйте меня полковникомъ и не бѣгите такъ скоро, а то вы оторвете мнѣ руку.

Счастливый карпъ.

Мама не совсѣмъ здорова, не выходитъ.

Въ субботу — базарный день. Миша, какъ всегда, собрался съ ранняго утра. Взялъ свою маленькую сѣтку для провизіи, натянулъ до бровей синій колпачекъ и изъ передней крикнулъ отцу:

— Ты, что же, папка, копаешься? Зонтика не бери, лягушка на балкончикѣ.

У Миши былъ свой барометръ съ живой лягушкой на комодѣ въ спальной. Если лягушка взбиралась въ банкѣ по лѣсенкѣ на балкончикъ, значитъ день будетъ ясный. А можетъ быть и наоборотъ... Кто ихъ разберетъ, лягушекъ этихъ французскихъ?..

Папка долго еще копался: искалъ ключъ отъ дверей, спички, трубку. Вмѣсто носового платка наволочку въ карманъ запихалъ, пришлось мѣнять. Мѣшокъ для провизіи Миша подъ пишущей машинкой розыскалъ, шляпу изъ-за кресла выудилъ. Чтобы папка безъ Миши дѣлалъ, даже подумать страшно...

А, потомъ только за дверную ручку взялись, мама изъ кухни выскочила:

— Рыбу, пожалуйста, не забудьте... Ты ужъ, Миша, пожалуйста прослѣди, чтобы свѣжая была. А то прошлый разъ...

— Знаю, знаю, мамуся! Ясные глазки, красные жабры. Макро брать, или колэна, или что?

— Да ужъ не знаю, чижикъ. Вы съ папой тамъ сами присмотрите, что посвѣжѣе.

— Идешь, папка?! Прямо терпѣніе съ нимъ лопается съ этимъ человѣкомъ.

Папка разсмѣялся, съ трудомъ натянулъ на правую руку лѣвую перчатку и хлопнулъ дверью.

Базаръ длинный полотняной улицей тянулся шагахъ въ двадцати отъ Сены. Въ самой гущѣ базара Миша ничего кромѣ медленно плывшихъ передъ нимъ спинъ не видѣлъ. Да чужіе мѣшки со всѣхъ сторонъ задѣвали его то за волосы, то за носъ. Но зато на перекресткѣ было просторнѣе. На панели, у самой мостовой, блестѣли на солнцѣ солонки, жестяныя крышки и соблазнительныя копилки въ видѣ румяныхъ яблокъ и свиныхъ головъ. На раскидномъ столикѣ грудой желтѣли солнечнаго цвѣта лимоны и бананы. Какая-то красная, похожая на тюфякъ, баба сердито кричала, предлагая прохожимъ кудрявую овощь вродѣ мяты. Распластанные кролики съ крохотными почками и печенками такъ безпомощно лежали на прилавкахъ, раскинувъ ножки въ мѣховыхъ чулочкахъ. Миша вздохнулъ...

Долго вздыхать было, однако, некогда. Ишь, отецъ, хитрый какой, засмотрѣлся на дѣтскія грабли и повозочки, а про рыбу и забылъ.

Миша потянулъ его за рукавъ и потащилъ къ рыбнымъ столамъ. Выбирали не долго: съ краю лежалъ симпатичный карпъ, какъ разъ такой, какъ надо. Не большой и не маленькій, ясные глазки, крас-

ныя жабры, полненькій и совсѣмъ не дорогой. Самый подходящій эмигрантскій карпъ.

Уложили его въ папкинъ мѣшокъ, прикрыли сельдереемъ и пошли домой. А въ маленькой сѣткѣ Миша несъ то, что полегче и поделикатнѣе: головку кудряваго салата, три яйца въ бумажномъ мѣшечкѣ, и сюрпризъ для мамы — пучекъ лиловыхъ анемоновъ.

* * *

Вытащили толстяка-карпа на свѣтъ Божій изъ коленкороваго мѣшка, положили на деревянную дощечку.

Миша тутъ же вертится, на апельсинъ самый большой нацѣлился; надо передъ обѣдомъ выпросить, — сначала на кожѣ китайскую рожу выкроить, а потомъ сокъ выжать, съ малиновымъ сиропомъ взболтать и сладкую бурду черезъ пульверизаторъ высосать. Любознательный былъ мальчикъ.

Покосился Миша на карпа, задумался. Хорошо все-таки быть человѣкомъ. Въ сѣть тебя не словятъ, кожу скрести ножемъ не будутъ, на сковородку не положатъ... О! Что-же это такое?!

— Ма-ма! Онъ зѣваетъ!..

— Кто зѣваетъ?

— Карпъ! Ура!.. Живой... Да иди-же сюда, иди-же! Хвостъ поднялъ!

Схватилъ Миша безстрашно карпа поперекъ живота, бросилъ его въ жестяную лохань, всталъ на табуретъ, отвернулъ кранъ. Хлынула вода, загремѣла о жесть, пѣна ключемъ, ничего не видно. А когда до верху дошла, въ лохани прояснѣло. Смотритъ Миша: медленно шевельнулась рыба, дышетъ, пасть открызаетъ, хвостомъ туда и сюда. Словно послѣ обморока силъ набираетъ.

Папка, конечно, рядомъ стоитъ.

— Ахъ ты, Карпъ Ивановичъ! Смотри, Миша, въ круговую поплылъ, носомъ тычетъ. Какъ-же его теперь, чудака, жарить? Сами въ чувство привели, сами-же и потрошить будемъ? А? Нехорошо это какъ-то. Негостепріимно.

— Никто его потрошить и не будетъ. Мы же не вампиры какіе-нибудь! Мамочка, я его у тебя откупаю.

— Какъ, дружокъ, откупаешь? Что за глупости?

— Совсѣмъ нѣтъ. Возьми у меня въ копилкѣ двѣнадцать франковъ, столько, сколько онъ стоитъ, и сдѣлай намъ какой-нибудь моментальный обѣдъ. Я, мамуся, на все согласенъ. Пусть хоть молочный супъ. Папка тоже. Согласенъ? Еще бы! Какой тутъ разговоръ... А карпъ пока будетъ жить...

— Подъ твоей кроваткой? Отлично. А франковъ твоихъ мнѣ не надо. Купи лучше на нихъ своему карпу тюфячекъ.

— Ты, мамуля, не насмѣхайся. Позволь пока, ну позволь, миленькая, мармеладная, любимые глазки, ду-ду-душечка, пусть пока поживетъ въ ваннѣ... А потомъ я для него постоянное мѣстожительство придумаю. Честное слово. Поѣдимъ сардинокъ, что-ли? Онѣ безъ головы, ихъ, уже не жалко... Правда, правда? Ты-же не вурдалакъ! Ты-же золотая! Ты-же не станешь изъ живой рыбы кишки выматывать...

— Не стану... Да замолчи ты, барабанщикъ. Тащи рыбу въ ванну. Вдвоемъ берите... Господи, потопъ какой! Маршъ изъ кухни! Какъ-нибудь ужъ васъ накормлю, рыболововъ... Только чуръ, не ворчать. Выметайтесь!

Въ корридорѣ передъ ванной Миша поскользнулся и запищалъ на всю квартиру·

— Расшибся! Вдребезги расшибся! Что-же ты на меня смотришь?

Мама всплеснула руками и выскочила изъ кухни.

— Ногу ушибъ? Ручку?

— Странная какая. Какія же у карпа ноги и ручки? Онъ ушибся, а не я!.. У него теперь сотрясеніе мозга сдѣлается... Почему же ты хохочешь? Безжалостная!

Но папка ловко подобралъ трепыхавшуюся рыбу съ пола и успокоилъ Мишу:

— Не пищи. Карпъ, какъ мячикъ. Даже не треснулъ... Хоть на плиту его роняй! Открой въ ваннѣ кранъ... Стой, стой, не брыкайся! Пожалуйте. Карпъ Сидоровичъ, будьте, какъ дома... Температура самая для васъ подходящая.

*
* *

Карпъ третій день живетъ въ ваннѣ. Тѣсновато, но не такъ уже плохо. Воду мѣняютъ два раза въ день. Да Миша, чуть улучитъ минутку, свѣжей воды подольетъ. Оплываетъ карпъ ванну, со всѣхъ сторонъ гладко и кругло, выхода не найдешь. Иногда вверху электрическое солнце вспыхиваетъ, безпокойная это штука.

Миша все старался съ карпомъ подружиться. Встанетъ на скамеечку, сунетъ руку въ воду и все карпа погладить норовитъ. А тотъ, глупъ, дѣтскихъ нѣжностей не понимаетъ и, какъ шальной, въ сторону шарахается.

И самое главное — ничего не ѣстъ. Ужъ ему мальчикъ и хлѣбныя крошки бросалъ и салата кусочки и бисквиты и даже хвостикъ сардинки. Не ѣстъ. Скучаетъ, должно быть? Авось въ слѣдующій базаръ другой живой карпъ попадется. Вдвоемъ веселѣй будетъ...

Миша всѣ свои океанскія ракушки на дно ванны побросалъ и целлулоидную рыбку подкинулъ и лебедя. Карпъ на нихъ и вниманія не обратилъ. Даже не понюхалъ.

Мама терпѣла день, терпѣла другой, на третій—ворчать стала. Что-же это за порядки? Живорыбный садокъ у нихъ или квартира? Вчера Миша со скамеечки въ воду перевернулся, всю курточку вымочилъ, едва за хвостъ его поймали... Ванну брать нельзя. Такой визгъ мальчикъ подымаетъ, хоть бѣги изъ дома и уступай квартиру карпу. Да и отецъ, даромъ что взрослый, сталъ все въ ванную съ Мишей навѣдываться. Станутъ рядомъ и любуются. Книжку, по которой Миша начиналъ читать учиться, и ту въ ванную перенесли...

И рѣшила мама затѣю эту прекратить. Вѣдь такъ, чего добраго, они въ ваннѣ креветокъ и морскихъ ежей разводить станутъ...

Подумала она хорошенько, позвала Мишу и новый планъ передъ нимъ раскрыла. Карпъ не ѣстъ, потому что ему безъ рыбьяго общества скучно; въ ваннѣ онъ все равно захирѣетъ и придется его консьержкиной кошкѣ на обѣдъ въ помойное ведро выбросить. Стало быть, если Миша карпа любитъ и точно добра ему желаетъ, надо въ банку съ водой посадить, отнести въ Булонскій лѣсъ и въ озеро бросить.

Миша потупилъ глаза, вздохнулъ и мужественно согласился. Въ самомъ дѣлѣ: третій день ничего не ѣстъ его рыбій пріятель... Пусть ужъ не страдаетъ, пусть возвращается въ свое... общество.

* * *

Француженка уборщица, мывшая на кухнѣ посуду, покачала головой.

— Живой карпъ... Да вѣдь это превкусное блюдо! Зачѣмъ же его въ озеро бросать? Вѣдь онъ денегъ стоитъ.

Миша потянулъ папку за рукавъ.

— Идемъ... Она все равно что мадамъ Баба-Яга, и я ее даже слушать не хочу. Сними съ банки крышку! Ему дурно... Видишь, какъ онъ ротъ раскрываетъ?

Мама тоже собралась съ нимъ въ лѣсъ проводить карпа на его новую квартиру.

Банку поставили въ сѣтку. Знакомая лавочница внизу тоже ничего не поняла. Пощелкала въ банку пальцемъ и фыркнула:

— Въ озеро? Зачѣмъ-же его покупали?

Подошелъ почтальонъ, тоже ничего не понялъ. Только маленькій консьержкинъ сынокъ догадался:

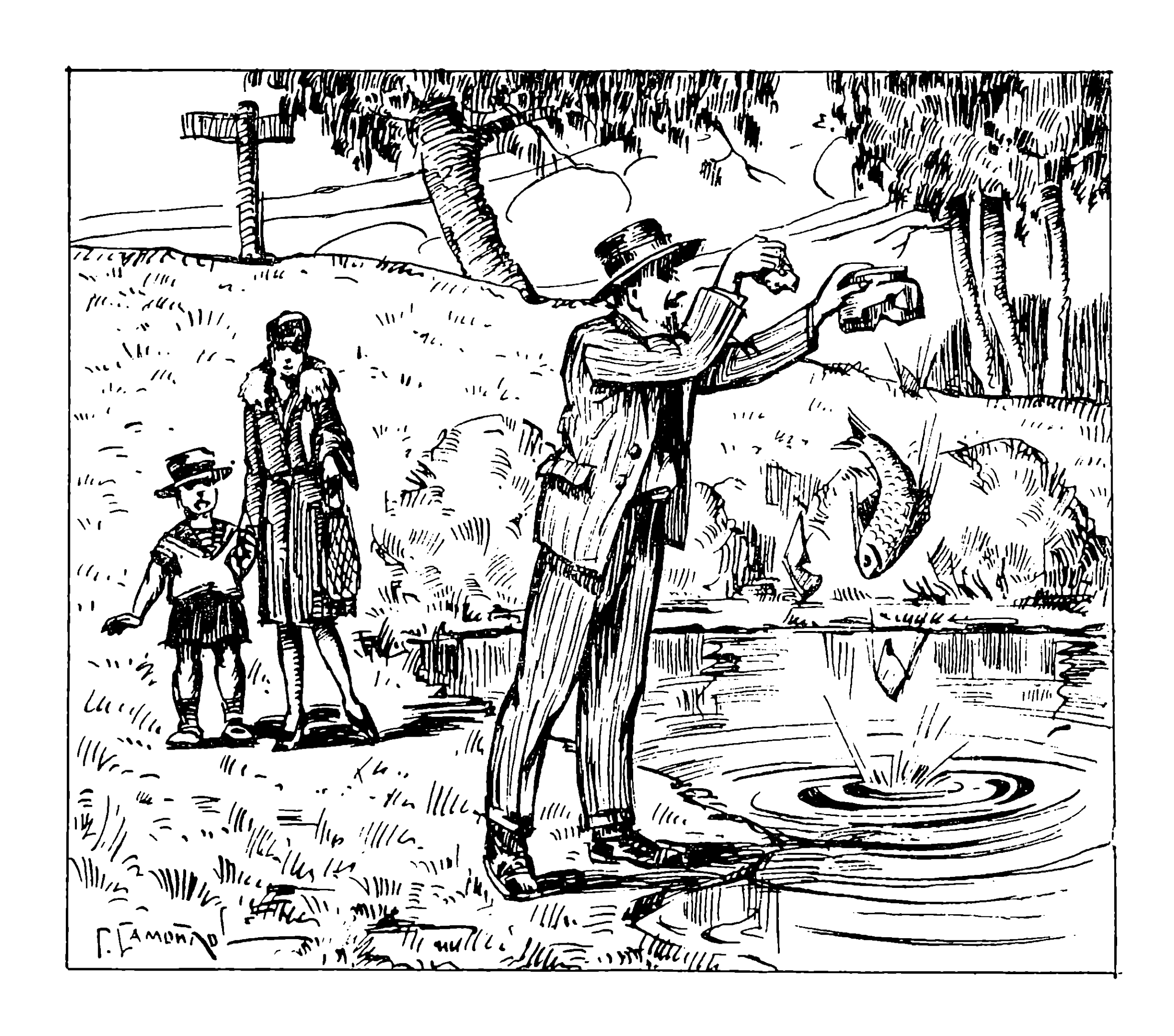
— Ваша рыба будетъ въ озерѣ жить? Будетъ плавать вперегонку съ другими рыбами?... Да?

Шли людными улицами. Миша обложилъ банку въ сѣткѣ газетой, чтобы посторонніе люди не смотрѣли и не оборачивались. Никому нѣтъ дѣла! А можетъ быть и отымутъ? Можетъ быть нельзя живую рыбу назадъ въ озеро бросать?

Показался лѣсъ. Каштаны уже развѣсили зеленыя тряпочки,— новые, еще сморщенные листочки. Вдали забѣлѣла семейка березъ. Обогнули скачки и наискось черезъ свѣжую-свѣжую полянку пошли къ голубой, тихой водѣ. Миша отковырнулъ газету и заглянулъ въ банку.

О чемъ думаетъ теперь карпъ? Онъ и не знаетъ, что сейчасъ отпустятъ его на свободу, какъ золотую рыбку въ сказкѣ... И потомъ

Миша тоже какъ-нибудь придетъ на берегъ озера, вызоветъ карпа и попроситъ у него... не для глупой, привередливой бабы, а для себя, чтобы карпъ ему подарилъ акварiумъ съ ракушками... И жемчужное колечко для мамы. Вѣдь это очень скромное желанiе...

Пришли. Папа оглянулся. У берега на дощечкѣ было написано ясно, что ходить по травѣ воспрещается. Но какъ-же иначе пробраться къ водѣ?

Оглянулись еще разъ — вокругъ никого, — и вдоль кустовъ мирты быстро сбѣжали къ берегу. Папа вытряхнулъ надъ водой банку...

Вода вылилась, но карпъ... Несчастный растопырилъ плавники и хвостомъ впередъ застрялъ въ банкѣ и ни съ мѣста.

Миша поблѣднѣлъ и сжалъ маму за руку. „Что же это, мамуся, будетъ? Что-же это, Боже мой, будетъ"!?

Но папа не растерялся. Подобралъ съ земли камень, кокнулъ по банкѣ, стекло, звеня, распалось и рыба, дрыгнувши въ воздухѣ хвостомъ, шлепнулась въ воду и исчезла...

Два любопытныхъ лебедя, словно игрушечные парусные корабли, медленно подплывали. Что тамъ такое? Не хлѣбомъ-ли кормятъ?

Быстро вернулись на дорожку, точно и не ходили они по запрещенной лужайкѣ. Мама съ папой шли впереди. Миша за ними. Шелъ и представлялъ себѣ, какъ рыбы окружили карпа и разспрашиваютъ его:

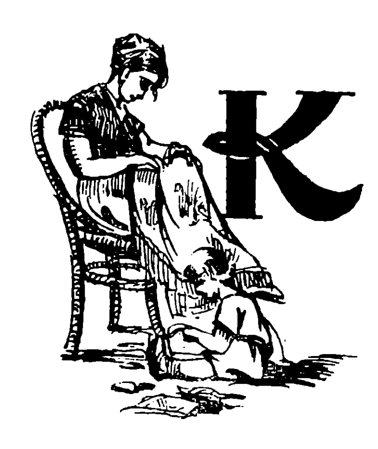
— Ты какъ сюда попалъ? Небывалый это случай, чтобы купленную рыбу обратно въ воду бросали... У кого ты былъ?

— У Миши и его родителей. Русскіе они, эмигранты.

— Ну, благодари Бога. Счастливый ты, карпъ! А здѣсь живи, братъ, спокойно. Изъ этого озера ловить рыбу строго воспрещается.

Пасхальный визитъ.

Квартира возлѣ PORTA NOMENTANA. Выше учительницы, выше штопальщика-портного, даже выше двухъ синьоръ, работницъ съ кустарной фабрики плетеной мебели. На что ужъ бѣдныя синьоры, но Варвара Петровна умудрилась еще выше поселиться, рядомъ съ голубями.

Изъ кухни окно въ бездонную коробку двора, — смотрѣть жутко. Будто и не Римъ, а какое-нибудь Нью-Іоркское захолустье. Изо всѣхъ щелей точно въ трубу тянется кверху чадъ жаренаго луку, томатные ароматы, переливающійся изъ окна въ окно гулъ перебранки и привѣтствій. Веревки — вдоль стѣнъ внизъ и поперекъ изъ ниши въ нишу. Однѣ для корзинъ, куда голосистый поставщикъ молока и овощей положитъ, что нужно — не подыматься же ему подъ небеса; на другихъ, слабо надуваясь, сохнетъ разноцвѣтное тряпье, — словно вымпелы на адмиральскомъ суднѣ въ праздничный день. Зато окно изъ спаленки на вольный просторъ. Глубоко внизу подъ узенькимъ балкономъ кудрявыя купы каменныхъ дубовъ, эквалипты и съ ранней весны неустанно цвѣтущія мимозы — канареечный, нѣжный дымокъ. Темный вѣчно закрытый садъ туго разросся между каменными стѣнами, — ногѣ никогда его не коснуться, но глазамъ отрада...

Варвара Петровна не первый годъ въ Римѣ. Еще до войны

попала съ мужемъ художникомъ на Капри. Съ золотой медалью укатилъ онъ стипендіатомъ Петербургской Академіи Художествъ въ Италію, въ апельсинное царство, два года протосковалъ, щи варилъ, и программное полотно съ лодочниками въ красныхъ беретахъ писалъ... Простудился, слегъ, да тамъ на Капри и глаза закрылъ. А Варвара Петровна переѣхала въ Римъ съ мальчикомъ, съ крошечной дочкой, съ грудой запыленныхъ этюдовъ и горой неизбывныхъ заботъ.

Потомъ началась война. Куда уѣдешь? Такъ и застряла Варвара Петровна съ дѣтьми въ Италіи и стала кое какъ налаживать жизнь. Этюды по багетнымъ лавкамъ разсовала и принялась вплотную за работу, — надо же дѣтей подымать.

Ужъ такъ повелось: куда судьба русскую женщину ни забросить, всюду она извернется, силу въ себѣ такую найдетъ, о которой она дома, пока скатерть-самобранка подъ рукой была, и не знала.

* * *

Трудно было вначалѣ. Такъ трудно, что лучше и не вспоминать... Работала она сестрой въ мѣстномъ госпиталѣ, — къ дѣтямъ только въ свободные часы прибѣгала. Но спасибо добрымъ сосѣдямъ, — заботились они о ея дѣтяхъ, какъ о своихъ. А потомъ, послѣ войны, страна ожила, жить стало всѣмъ легче.

Вспомнила Варвара Петровна свое старое рукодѣлье, завела черезъ отельныхъ портье знакомства и стала на продажу расшивать платки, платья и шарфы павлиньими русскими узорами...

Мальчикъ какъ-то незамѣтно отъ рукъ отбился. По-русски говорить не любилъ. Какой разговоръ и съ кѣмъ? Въ школѣ, на базарѣ и въ лавкахъ — только итальянскія звонкія слова въ ушахъ и звучатъ. Вѣчно въ своей суетѣ толокся: то старыя марки перепродавалъ и обмѣнивалъ, сбывалъ букинистамъ оставшіяся послѣ отца книги, покупалъ въ уличныхъ ларяхъ лотерейные билеты со счастливыми номерами... Домой прибѣгалъ на минутку, глоталъ макароны, уроки училъ какъ-то по птичьи, на ходу, и опять на улицу. Впрочемъ, учился не плохо и матери не былъ въ тягость.

Только младшая дочка, шестилѣтній тихій гномикъ, Нина и была утѣхой. Мать вышиваетъ, а дѣвочка пестрые лоскутки перебираетъ и поетъ на итальянскій мотивъ русскую пѣсенку, — слова отъ матери слышала:

„Таня пшенушку полола,
Черный куколь выбирала...“

— Мама, что такое куколь?

— Не знаю, котикъ.

— Ну, какая ты. Русская же пѣсня, а ты не знаешь.

Потомъ раскроетъ свою старенькую русскую хрестоматію и начнетъ — въ который уже разъ! — перелистывать. Читать Нина еще не умѣетъ. Буквы чужія, въ итальянскихъ газетахъ совсѣмъ другія, но картинки и безъ буквъ понятны. Вотъ зима, на еловыхъ лапахъ густая вата: это снѣгъ. Никогда не видѣла, но, должно быть, очень интересно. А это березка. На Палатинскомъ холмѣ тоже есть березка, Нина видала. Бѣлый-бѣлый стволъ и весной желтые червячки-сережки дождемъ висятъ... А вотъ и любимая картинка: „Генералъ Топтыгинъ“. Это такъ медвѣдя въ Россіи называютъ. Сидитъ въ саняхъ, — это такая „кароцца“ безъ колесъ, — развалился... Лошади испугались (еще -бы!!), и мчатся, какъ сумасшедшія. Нина вздыхаетъ. Свѣтлые волосы, такого-же цвѣта, какъ ея блѣдныя восковыя щечки, спустились на глаза...

— Мама, смотритель очень испугался? Что прикажете, генералъ, ризотто съ пармезаномъ или омаровъ? Или, можетъ быть, самоваръ поставить? А медвѣдь на него — р-р-р! Правда, мама?

Мать все вышиваетъ, отвѣчаетъ невпопадъ, а то нитку перекуситъ и въ окно устало смотритъ. Съ утра до вечера такія красивыя штучки она вышиваетъ, — думаетъ Нина, — почему не для себя, почему не для Нины? Ни одного такого чудеснаго платья у нихъ нѣтъ...

Дѣвочка закрываетъ книжку, беретъ маленькую игрушечную метлу и старательно подметаетъ полъ: ишь, сколько ниточекъ! Двадцать разъ въ день метешь, — не помогаетъ.

* * *

Однажды утромъ Нина проснулась, взглянула на стулъ передъ диваномъ: сюрпризъ... бѣлое шелковое платьице, канареечная лента. О! Сегодня, вѣдь, праздникъ, русская Пасха, какъ же она забыла... Вѣдь, вчера она сама яйца заворачивала въ пестрыя шелковыя тряпочки, помогала красить. А мать сладкое тѣсто мѣсила и снесла внизъ булочнику, синьору Леонарди, чтобы запекъ.

Она быстро одѣлась и съ лентой въ рукахъ побѣжала въ столовую. Та-та-та! Какъ чисто! На столѣ мимоза и два розовыхъ тюльпана. Куличъ! Какое смѣшное и милое слово... И яйца, веселыя и пестренькія, ну, развѣ можно ихъ ѣсть? Жалко, вѣдь...

Варвара Петровна поставила дочку на табуретку:

— Сама одѣлась? Вотъ умница... Христосъ Воскресе, Ниночка!

— А какъ надо отвѣчать? Я уже забы а...

— Воистину Воскресе...

— Во-ис-ти-ну!

И поцѣловались онѣ не три, а пять разъ въ засосъ. Такъ уже случилось.

Нина повертѣлась по комнатѣ. Полъ чистый, подметать не надо. И вспомнила:

— Ты, вѣдь, сегодня не вышиваешь?

— Кто-же сегодня вышиваетъ?..

Вотъ и отлично. Значитъ, мы пойдемъ въ Зоологическій садъ. Ты, вѣдь, обѣщала. Да?

— Пойдемъ, Ниночка. Давай только я ленту завяжу, а то ты такъ въ рукѣ ее и понесешь.

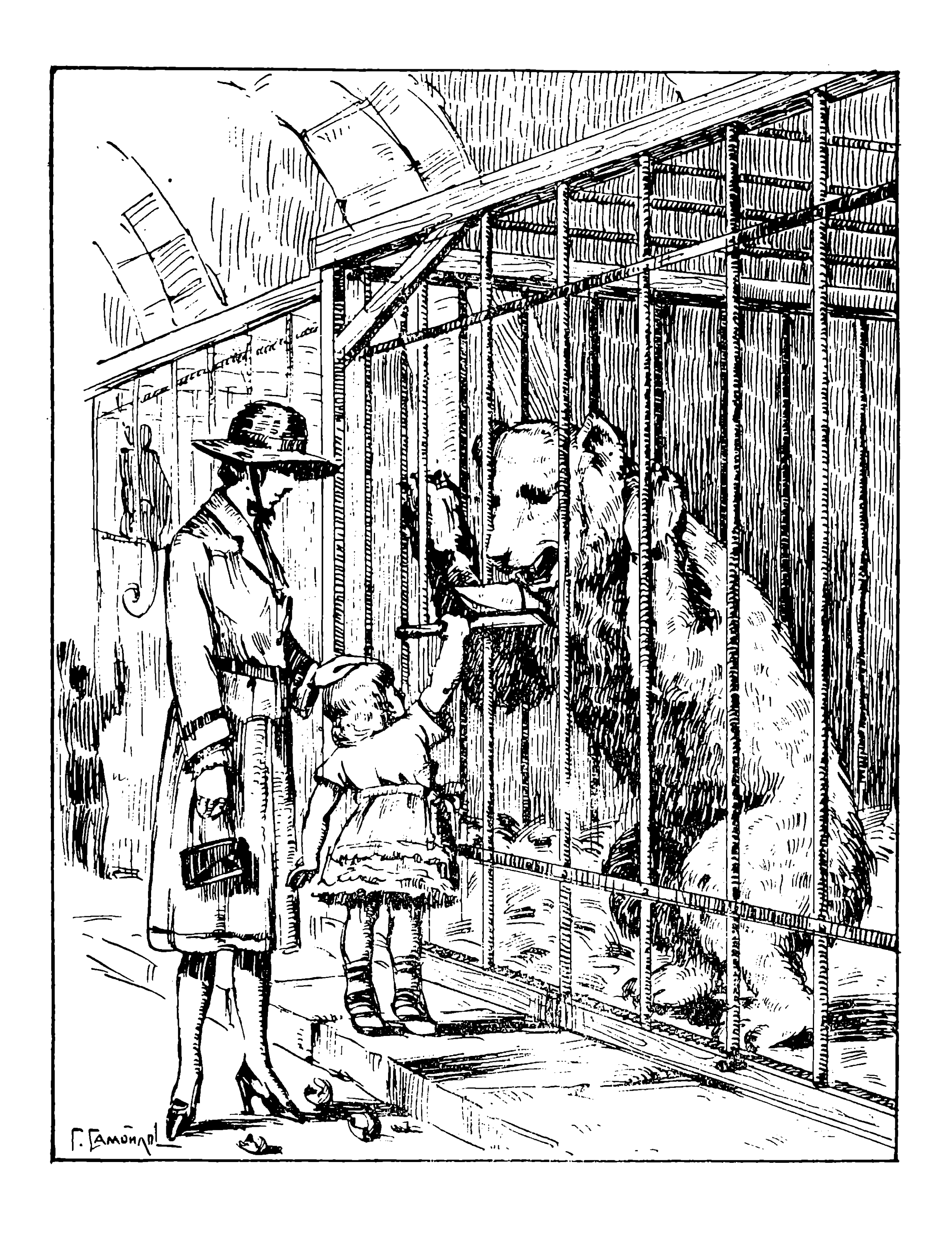
Пили кофе съ куличемъ. Нина молчала и о чемъ-то своемъ думала. Когда ужъ совсѣмъ собрались уходить, она подошла къ матери и попросила:

— Мама, можно мнѣ четыре яйца въ сумочку? Я выберу съ трещиной. И кулича кусочекъ. Только потолще, хорошо?

— Возьми, конечно.

Варвара Петровна удивилась: никогда дѣвочка не проситъ... ѣстъ, какъ цыпленокъ, всегда упрашивать надо. И вдругъ — четыре яйца и куличъ... Фантазія!

*
* *

Варвара Петровна быстро шла за дочкой по горбатой золотистой отъ песка дорожкѣ. Ишь, какъ бѣжитъ! Куда это она?

Дѣвочка, не останавливаясь, наскоро поздоровалась по-итальянски съ верблюдомъ:

— Добрый день, синьоръ, какъ поживаете?

Со всѣми звѣрями она разговаривала только по итальянски, — по русски, вѣдь, они не понимаютъ.

За поворотомъ, на высокой желтой скалѣ, окаймленной густой синькой римскаго неба, стоялъ тигръ. Полосатый злодѣй, какъ и львы, жилъ не въ клѣткѣ, а на свободномъ клочкѣ земли. Съ дорожки рва не было видно, и люди, впервые попадавшіе въ садъ, невольно вздрагивали и останавливались: тигръ на свободѣ!

Нина и съ тигромъ поздоровалась. Но наглый звѣрь даже и головы не повернулъ. Черезъ ровъ не перелетишь, а то бы онъ... поздоровался.

И вотъ внизу, подъ пальмовымъ наметомъ, Нина остановилась у клѣтки, въ которой томился бурый медвѣдь. Остановилась и сказала по-русски, — медвѣдь, вѣдь, русскій былъ:

— Здравствуй, здравствуй... Скучаешь? А я тебѣ поѣсть принесла. Потерпи, потерпи... Вкусно! Вотъ увидишь, какъ вкусно...

Она аккуратно облупила одно за другимъ крашенныя яйца. Звѣрь всталъ на заднія лапы и приникъ носомъ къ желѣзнымъ прутьямъ. Нина положила на деревянную лопатку яйцо. Медвѣдь смахнулъ его лапой въ пасть, съѣлъ и радостно заурчалъ.

— Еще?

Съѣлъ и второе, и третье, и четвертое. Куличемъ закусилъ и приложилъ лапу ко лбу, точно подъ козырекъ взялъ. Это онъ всегда дѣлалъ, когда былъ чѣмъ-нибудь очень доволенъ.

Нина въ отвѣтъ на доброе привѣтствіе звѣря показала ему пустую сумочку и отвѣтила страннымъ русскимъ словомъ, которое ей мать сегодня утромъ подсказала:

„Воистину, воистину!..“

Должно быть, это тоже самое, что „на здоровье!..“

Варвара Петровна опустилась на скамью и закрыла глаза. Ну,

вотъ, только этого недоставало... Слезы... „Все съѣлъ, Ниночка? Вотъ и отлично!“

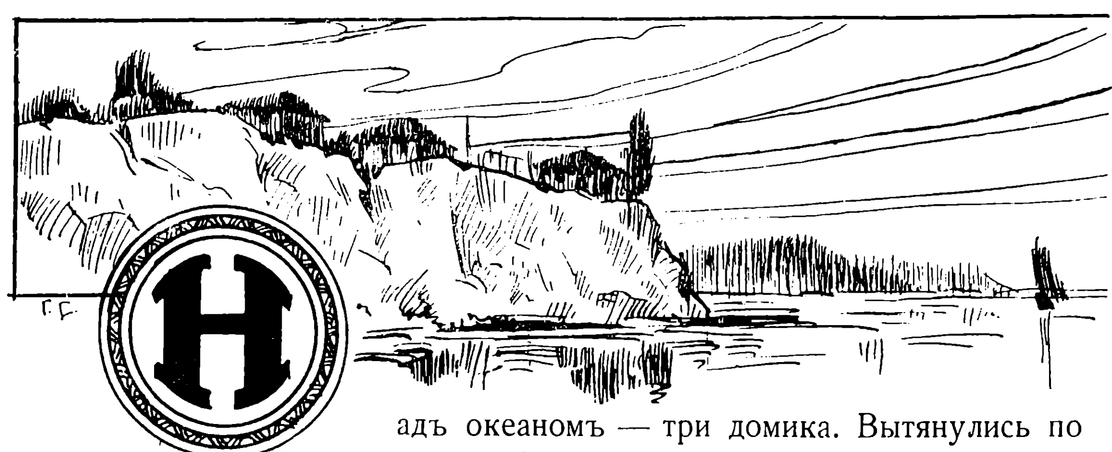
Дѣвочка теребила ее за рукавъ и весело тараторила:

— Конечно, отлично. Я такъ и думала, что ты не будешь сердиться. Онъ же русскій, понимаешь... Мнѣ сторожъ давно уже разсказалъ, что его прислали съ Урала еще до войны. Ему очень скучно, никто его не понимаетъ. Тигра вонъ какъ хорошо устроили, а медвѣдя въ клѣтку. За что? И онъ чистый, правда, мама? Видишь, онъ аккуратно съѣлъ, ни одной крошки не разсорилъ. Не то, что мартышка какая-нибудь... До свиданья, синьоръ Топтыгинъ. До-свиданья!

Она взяла мать за руку и поскакала по дорожкѣ мимо жирныхъ, матово-сизыхъ агавъ къ пантерамъ; тамъ маленькіе дѣтеныши такъ смѣшно въ прятки играютъ, надо насмотрѣться, а то выростутъ и будутъ, какъ маятники, изъ угла въ угомъ шагать и черезъ голый стволъ прыгать.

Бретонскій Нептунъ.

Надъ океаномъ — три домика. Вытянулись по краю обрыва въ рядъ — зеленый, красный и сѣренькій. Домики маленькіе, затѣйливой, словно дѣтской постройки; вокругъ каждаго ограда изъ колючихъ тугихъ кустовъ кротегуса, въ оградахъ игрушечные сарайчики и курятники. Въ зеленомъ домикѣ живетъ старая француженка со своимъ любимымъ шпицемъ Принцемъ; въ красномъ — русское семейство, маленькая худенькая мама съ дочкой, Соней. Третій домикъ, сѣренькій — каменный, наглухо закрытъ, на окнахъ жалюзи, собачья будка затянута паутиной, дорожки заросли сѣрой высокой травой, — домикъ пустъ, не удалось его на лѣто никому сдать...

Внизу шипитъ, плещетъ старый океанъ. Рыбачьи лодки, накренивъ паруса, везутъ въ заливъ за скалы богатую добычу: сардины, скумбрію, плоскую камбалу, уродливыхъ крабовъ въ деревянныхъ клѣтушкахъ. За крайней сѣрой дачкой длинный, высокій береговой отрѣзъ далеко ушелъ въ зеленую воду, размытый прибоемъ, отошелъ отъ ма-

терика и сталъ необитаемымъ островомъ. Тутъ-же, за дачкой, покачивается надъ обрывомъ на шестѣ пустая сѣтъ. По вечерамъ хозяинъ ресторанчика, что на перекресткѣ дорогъ, зоветъ слугу и изъ подъ ноздреватыхъ скалъ тянетъ съ нимъ на блокѣ грузную сѣть: авось среди водорослей и пестраго морского хлама крабъ попадется на счастье.

* * *

Жилица изъ краснаго домика, худенькая Сонина мама, пошла съ корзиночкой по верхней дорогѣ за скалы къ устью рѣки. Надо было поспѣть во время, чтобы съ рыбачьихъ лодокъ всю рыбу не расхватали. А Соню, свою единственную дочку, тихую маленькую дѣвочку, отвела къ сосѣдкѣ, старой француженкѣ.

— Будьте, мадамъ, добры, пусть моя Соня у васъ въ садикѣ посидитъ...

— О, пожалуйста! Мой Принцъ очень любитъ съ вашей дочкой играть.

Мама ушла, француженка ручки на животѣ сложила и въ складномъ креслѣ уснула, Принцъ подъ крыльцо забрался позавчерашнюю кость отрывать. Скучно стало Сонѣ... Океанъ шипитъ, француженка храпитъ, шпицъ ворчитъ, вѣтерокъ посвистываетъ въ темныхъ кипарисовыхъ метелкахъ. Жарко и пустынно, зеленая вода съ тускло-голубымъ небомъ на горизонтѣ обнимаются, глаза слѣпятъ.

Дѣвочка вышла за ограду. На три шага вѣдь отойти отъ дома можно... И на пять можно. И на пятнадцать — ужъ не такое преступленіе.

И представить себѣ трудно, какъ внизу хорошо! Сѣрая тропинка сквозь бурьянъ сбѣгаетъ зигзагами къ океану. Отливъ... Изъ воды вылѣзли далеко-далеко впередъ морщинистые коричневые камни. Вокругъ камней густыми макаронами лежатъ водоросли, тамъ и сямъ сквозятъ лужицы голубоватой воды. На берегу въ узкомъ скалистомъ ущельи, бродятъ дѣти и взрослые, роютъ лапами песокъ собаки, дѣдѣвочки моютъ въ водѣ резиноваго негра... Камни блестятъ, песокъ блеститъ, водоросли блестятъ — Соня не выдержала, подошла къ краю

обрыва и шагъ за шагомъ, цѣпляясь за крѣпкій бурьянъ, стала по тропинкѣ спускаться внизъ — къ дѣтямъ, къ голубымъ лужицамъ, къ веселому, доброму океану.

* * *

Въ комнатѣ, чтобъ не скучно было, чтобъ себя позабавить, нужны разныя вещи: игрушки, книги, цвѣтные карандаши. А у океана ни книгъ, ни игрушекъ не надо. Куда не взглянешь, — все забава... Къ обнаженнымъ камнямъ какія-то рубчатыя ракушки присосались, — хоть кряхти, хоть ногти себѣ обломай, низачто не оторвешь. Въ лужицахъ у подножья скалы крошечные крабы въ испугѣ въ пестрые камушки зарываются: очень страшно, — стоитъ надъ нимъ розовая дѣвочка, ногой по водѣ шлепаетъ, а океанъ куда-то ушелъ, и спастись негдѣ!

Соня осторожно переползла съ камня на камень, очень боялась, чтобы изъ густыхъ водорослей ее за ногу омаръ не ущипнулъ... Вернулась на берегъ, собрала драгоцѣнную коллекцію камушковъ: обточенный волной кирпичный обломокъ, черный-пречерный глазокъ съ бѣлымъ зрачкомъ, лиловую сосульку, розовую рогульку, — полный кармашекъ набрала.

Чужую собаку водой изъ консервной жестянки окатила, собака обрадовалась, встряхнулась, соленыя брызги съ носа слизнула.

Обернулась Соня — люди шумятъ, бродятъ, ѣдятъ, другъ съ друга фотографіи снимаютъ. Дѣвочка резиноваго негра на веревочкѣ подъ камнемъ плавать учитъ. Какой-то толстый французъ на одинокую скалу полѣзъ, до верхушки добрался и усѣлся, какъ помпонъ на колпакѣ... Насмотрѣлась Соня, перебралась вдоль берега черезъ гряду валуновъ и попала въ сосѣднее ущелье, выбитое въ высокомъ берегу съ незапамятныхъ временъ волнами. Здѣсь было тише, и почти никого не было. Только за скалой какой-то старичекъ наливалъ въ бутылку соленую воду и выливалъ ее. Пять, шесть, восемь разъ, — Сонѣ и считать надоѣло.

„Старый, а какъ пятилѣтній мальчикъ“... подумала Соня и подъ

острымъ, наискось врѣзавшимся въ берегъ огромнымъ камнемъ, пробралась въ третье ущелье.

— Вотъ... Здѣсь и устроюсь.

Ни души. Вверху небо свѣтлымъ трехугольникомъ надъ ущельемъ застыло. Океанъ шлепаетъ за камнями, шлейфъ по водорослямъ волочитъ...

Въ глубинѣ ущелья темная щель. Пещера! Соня осторожно подошла ближе и вошла. Крѣпкій слежавшійся песокъ отъ входа бугромъ подымался вглубь пещеры, по бокамъ вдоль скалъ темнѣли сѣрыя полосы... Ай! Что за гадость?! На песокъ со стѣнъ запрыгали отвратительныя длинныя мокрицы.

Соня стремглавъ вылетѣла изъ пещеры. Сѣла подъ скалой въ тѣни и засмотрѣлась вдаль: на коптившій небо медленный трехтрубный пароходъ, на вспухающіе валы, косо бѣгущіе къ берегу. Сидѣла долго, убаюканная теплымъ вѣтромъ, лѣнивымъ солнцемъ и ворчаньемъ воды, сидѣла долго и неподвижно, словно бабочка на тепломъ вишневомъ стволѣ.

И вдругъ всмотрѣлась. Гдѣ-же дальніе коричневые камни? Почему водоросли набухли и просочились водой? И жестянка, которая валялась передъ ней на пескѣ въ десяти шагахъ, — плаваетъ... Почему? О! Какъ сердито шлепнула волна объ уголъ скалы... Пѣна до самыхъ пятокъ докатилась.

Соня быстро вскочила. Приливъ? Конечно приливъ! Ротозѣйка... И старичекъ и всѣ собаки, должно быть давно ушли. Она побѣжала къ наклонному камню, подъ которымъ былъ проходъ въ сосѣднее ущелье. Прохода не было и подъ камнемъ шипѣла и пѣнилась вода...

Побѣжала впередъ къ океану — пусть промочитъ платьице, не бѣда, — лишь бы во второе ущелье пробраться, а оттуда въ первое къ тропинкѣ, что ведетъ наверхъ... Но новая волна хлопнула въ камень прямо передъ ней; едва успѣла Соня отскочить и отбѣжать въ уголъ ущелья. Приливъ!

*
* *

Вы подумайте только: маленькая кроткая дѣвочка и огромный,

одурѣвшій океанъ... Ни вправо, ни влѣво дороги нѣтъ, вода закрыла всѣ проходы и лазейки, пѣна и раскатистая волна съ каждымъ ударомъ все ближе подбираются къ маленькимъ дрожащимъ ногамъ... А вверху, надъ головой, на высотѣ трехэтажнаго дома, проѣзжаютъ вдоль края обрыва автомобили, проходятъ безпечные пѣшеходы, и никому и въ голову не придетъ взглянуть внизъ на прижавшуюся къ мокрой скалѣ дѣвочку...

Влѣзть на отвѣсный берегъ? Но развѣ дѣвочка мокрица или обезьяна или акробатъ? Бросилась Соня въ одинъ уголъ, въ другой, словно мышь въ мышеловкѣ заметалась во всѣ стороны и, наконецъ, вспомнила о послѣднемъ средствѣ, оно всѣмъ дѣтямъ знакомо, — стала кричать пронзительнымъ голоскомъ:

— Спасите! Спасите! Меня захватилъ приливъ...

Но грубый океанъ басистымъ ревомъ покрылъ Сонинъ голосокъ, вѣтеръ унесъ и разметалъ дѣтскія испуганныя слова... И опять стала Соня кричать все громче, все отчаяннѣе. Волна, правда, ее пока что еще не трогала: подкатывалась къ ногамъ и съ шипящимъ вздохомъ, растекаясь журчащими ручейками и унося за собой пестрые камушки, возвращалась назадъ въ родное темнозеленое лоно.

Гдѣ остановится приливъ? На какой линіи, у какой черточки? Камышъ въ глубинѣ ущелья былъ сухъ, значитъ волна туда не докатывается? Или онъ высохъ въ часы отлива на горячемъ солнцѣ подъ теплымъ сквознымъ вѣтромъ? Ахъ если-бы мама, возвращаясь съ рыбой домой по дорогѣ вдоль края обрыва, взглянула внизъ на свою дочку!.. Бросила-бы рыбу наземь, побѣжала въ ресторанчикъ за веревкой и мигомъ бы спасла дочку.

— Мама! Я больше не буду одна спускаться къ водѣ... Что же это за несчастье! Ма-ма!

Кричала, кричала, даже закашлялась... Хоть бы орелъ какой нибудь пролетающій ее за фартушекъ подхватилъ, она-бъ ему у верхней дороги тумака подъ самое крыло дала и благополучно бы прыгнула на землю...

И вотъ, представьте себѣ изумленіе Сони: орелъ, не орелъ, а изъ-за угла скалы, прямо изъ лопочущей воды вышелъ на ея зовъ... Нептунъ, настоящій морской богъ Нептунъ, какъ его во всѣхъ книж-

кахъ рисуютъ. Сѣдая, разметавшаяся борода, косматыя брови, въ рукѣ трезубецъ, самъ весь въ водоросляхъ, словно змѣи по ногамъ его опутали, на плечахъ прозрачная мантія цвѣта рыбьяго пузыря... Вышелъ

Нептунъ изъ волны, привѣтливо улыбнулся оторопѣлой Сонѣ, взялъ ее на руки, точно легкую камышинку, и опять пошелъ, взбивая мутную пѣну, въ воду. Ахнула Соня, закатила глазки, головка на бокъ свисла...

* * *

Очнулась дѣвочка, ничего понять не можетъ. Лежитъ она въ чужой избѣ на высокой мягкой постели. Передъ ней старушка вся въ черномъ, вся въ складочкахъ, въ бретонской наколкѣ, сидитъ и изо рта водой на Соню прыщетъ. Словно прачка на бѣлье передъ тѣмъ, какъ гладить. У стѣны высокій буфетъ съ волнистыми полочками, на полочкахъ расписныя тарелки, пестрые человѣчки и графинчики! А у окна, — дѣвочка изумленно повернула голову, — Нептунъ! Сидитъ на скамьѣ, трубку куритъ и круглую сѣтку на свѣтъ разсматриваетъ.

— Очнулась?.. — ласково сказала старушка. Вотъ и чудесно, дружокъ мой.

Нептунъ подошелъ, смотритъ и улыбается.

Набралась Соня храбрости и спрашиваетъ:

— Вы Нептунъ, правда? Почему же вы въ избѣ живете?

А старикъ разсмѣялся, трубку на столъ положилъ и говоритъ:

— Ишь ты, что ей съ испугу померещилось! Почему же я Нептунъ?.. Развѣ Нептунъ трубку куритъ?

— Да вѣдь вы же изъ океана ко мнѣ вышли, съ трезубцемъ, весь въ водоросляхъ и въ океанъ меня унесли...

— Гм... А ты взгляни-ка въ окно.

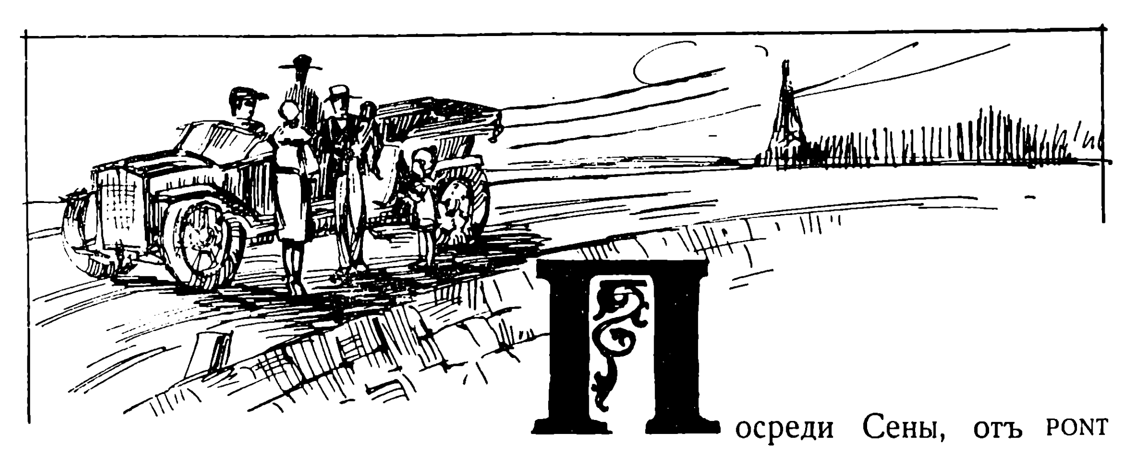
Смотритъ Соня: стоитъ у крыльца рыжій, широкогрудый конь, ноги разставилъ, вѣтеръ гривой играетъ, а за конемъ въ двухколкѣ бугромъ водоросли навалены и въ нихъ трезубецъ — вилы торчатъ.

— Вотъ видишь? Я у берега водорослями нагрузилъ телѣжку, мы ихъ для удобренія на огородъ вывозимъ. Ѣду по верхней дорогѣ, слышу внизу пискъ, не то мышь, не то дѣвочка... Посмотрѣлъ внизъ, вижу ты на мокрые камни карабкаешься, прилива испугалась. Спустился я внизъ, какъ былъ съ вилами, по водѣ вдоль камней прошелъ, тебя подобралъ и той-же дорогой обратно вернулся... Вотъ я какой Нептунъ! А ты лучше скажи, ты гдѣ живешь-то?

— Въ красномъ домикѣ, — тихо отвѣтила Соня и покосилась на клеенчатый прозрачный балахонъ, что висѣлъ на гвоздѣ. Вотъ она Нептунова мантія...

Выворотилъ старикъ-Нептунъ водоросли наземь, посадилъ Соню рядомъ съ собой въ двухколку и покатили: очень было весело ѣхать: океанъ, небо, вѣтеръ, лошадь фыркаетъ, но въ сердцѣ то и дѣло булавочки покалывали... Придется вѣдь и мамѣ и сосѣдкѣ француженкѣ всю правду разсказать...

Скандалистъ Фифа.

Посреди Сены, отъ PONT DE GRENELLE до PONT DE PASSY, тянется узкая и высокая насыпь, затѣненная невысокими деревьями. Справа и слѣва бока крутыми мощеными откосами спускаются къ водѣ. Внизу гудятъ, похожіе на майскихъ жуковъ, пароходы-буксиры, качаются, причаленныя къ дамбѣ легкія яхты... Огромная плавучая купальня скрипитъ — покачивается, въ жилыхъ окнахъ надъ входомъ бѣлѣютъ занавѣски, цвѣтетъ герань. А за купальней отдыхаетъ на водѣ желѣзная баржа съ углемъ: по бокамъ рулевого колеса зеленѣютъ ящики съ маргаритками, собака на угольной кучѣ, натянувъ цѣпь, изумленно смотритъ на пробѣгающій надъ мостомъ поѣздъ-метро, дѣвочка развѣшиваетъ вдоль кормы мокрое бѣлье. Тихо на дамбѣ и уютно. Пролетаетъ влажный лѣтній вѣтерокъ, аллея зеленымъ лучемъ уходитъ вдаль — отъ моста къ мосту... Рыболовы монотонно взмахиваютъ удочками, забрасываютъ крючки далеко въ воду и терпѣливо ждутъ добычу.

А по вечерамъ — на дамбѣ никого. Желтой цѣпочкой горятъ

пустынные фонари, гигантскимъ циркулемъ уходитъ въ небо освѣщенная Эйфелева башня, темныя деревья шуршатъ темными вѣтвями...

* * *

Къ темной дамбѣ подкатилъ по мосту такси. Изъ такси вышли длинноногая дѣвочка Лиза, которая затѣяла эту прогулку; Лизина мама, дядя Вася и общій пріятель, художникъ Левушка. Выволокли изъ такси еще одно существо, похожее на пьянаго чертенка, которое ни за что не хотѣло спокойно сидѣть на рукахъ у дяди Васи, упорно лѣзло къ нему на шляпу и звенѣло цѣпочкой. Это былъ молодой шимпанзе Фифа. Знакомый русскій морякъ привезъ его изъ Африки и подарилъ Лизѣ, не подумавъ толкомъ, каково въ Парижѣ съ такимъ подаркомъ возиться.

Поселили Фифу на балконѣ, на пятомъ этажѣ въ ящикѣ изъ подъ чернослива. Прикрутили короткой цѣпочкой къ периламъ, жизнь не сладкая. Въ комнаты пускали рѣдко, — только отвернись, Фифа всѣ хозяйскія вазочки по неопытности перебьетъ.

Лиза своего новаго жильца пожалѣла и пристала къ мамѣ:

— Мамочка, такъ вѣдь нельзя... Смотри, у него на затылкѣ лысина, цѣпочкой натеръ. У него-же отъ тоски чахотка сдѣлается, цѣлый день въ ящикѣ на балконѣ сидитъ и на Эйфелеву башню смотритъ... Посадить-бы тебя такъ съ дядей Васей! Знаешь, что? Пусть вечеромъ погуляетъ — по аллеѣ, знаешь по той, что посерединѣ Сены. Тамъ по вечерамъ никого нѣтъ, пусть побѣгаетъ на свободѣ, лапки свои разомнетъ... А то онъ у меня на балконѣ отъ меланхоліи умретъ и я всю жизнь мучиться буду.

Мама согласилась и вотъ всей компаніей привезли угрюмаго Фифу въ такси черезъ мостъ къ дамбѣ, что посреди Сены и высадились.

* * *

Дядя Вася свернулъ съ моста въ темную аллею. Фифа возбужденно присѣдалъ на его плечѣ, вертѣлъ во всѣ стороны головой,

присматривался и пищалъ. Ахъ, сколько деревьевъ! Какъ просторно вокругъ! Не въ Африку-ли его привезли, домой въ родные лѣса? Но почему по бокамъ узкой лѣсной дороги блеститъ вода? Почему въ вышинѣ сіяетъ огнями огромная башня-гора? Почему черезъ мостъ гремя пробѣгаютъ освѣщенные домики, наполненные людьми. Нѣтъ, это не Африка... Но какія чудесныя вѣтви надъ головами! Быть можетъ среди нихъ притаились обезьяны, много-много обезьянъ, и ждутъ Фифу... Цвикъ!

Дядя Вася ахнулъ и схватился за лобъ. Словно смазанная мыломъ цѣпочка выскользнула изъ руки, толстое кольцо больно хлопнуло по лбу и хитрая обезьяна перелетѣла съ плеча на дерево, съ дерева на другое — только темныя вѣтви затрещали...

Заахала Лиза, мама, художникъ Левушка... Вдали вверху прогремѣла цѣпочка, сумасшедшій Фифа прыгалъ не хуже кузнечика съ вершины на вершину, сбѣгалъ по стволамъ внизъ, взбѣгалъ вверхъ, свалился вдругъ на голову художника, сбилъ съ него шляпу, хватилъ цѣпочкой по ушамъ и опять исчезъ въ темнотѣ...

— Вотъ, — сказала растерянно Лизина мама, — послушалась тебя... Какъ мы его теперь поймаемъ? Что онъ тутъ натворитъ?.. Ай-яй! Вонъ онъ надъ головой, хочетъ на меня прыгнуть! Ай!

— Фифа, не смѣй на маму прыгать! — закричала Лиза. Больше никогда тебя не буду брать гулять... Дядя Вася, вонъ онъ подъ деревомъ, наступи на цѣпочку ногой!..

Но Фифа приманилъ дядю Васю, передъ самымъ носомъ перескочилъ черезъ скамейку и по мокрой лѣстницѣ галопомъ побѣжалъ къ водѣ...

— Ахъ, онъ утонетъ! Фифочка!..

Но Фифа не собирался тонуть. Онъ взобрался на цѣпь, соединяющую баржу съ дамбой и сталъ на ней покачиваться, словно на качели

Вверху изъ подъ моста безшумно выѣхали два полицейскихъ на велосипедахъ и соскочили на земь.

— Что такое?.. Что тутъ случилось?

Лиза показала рукой на цѣпь:

— Онъ утонетъ!

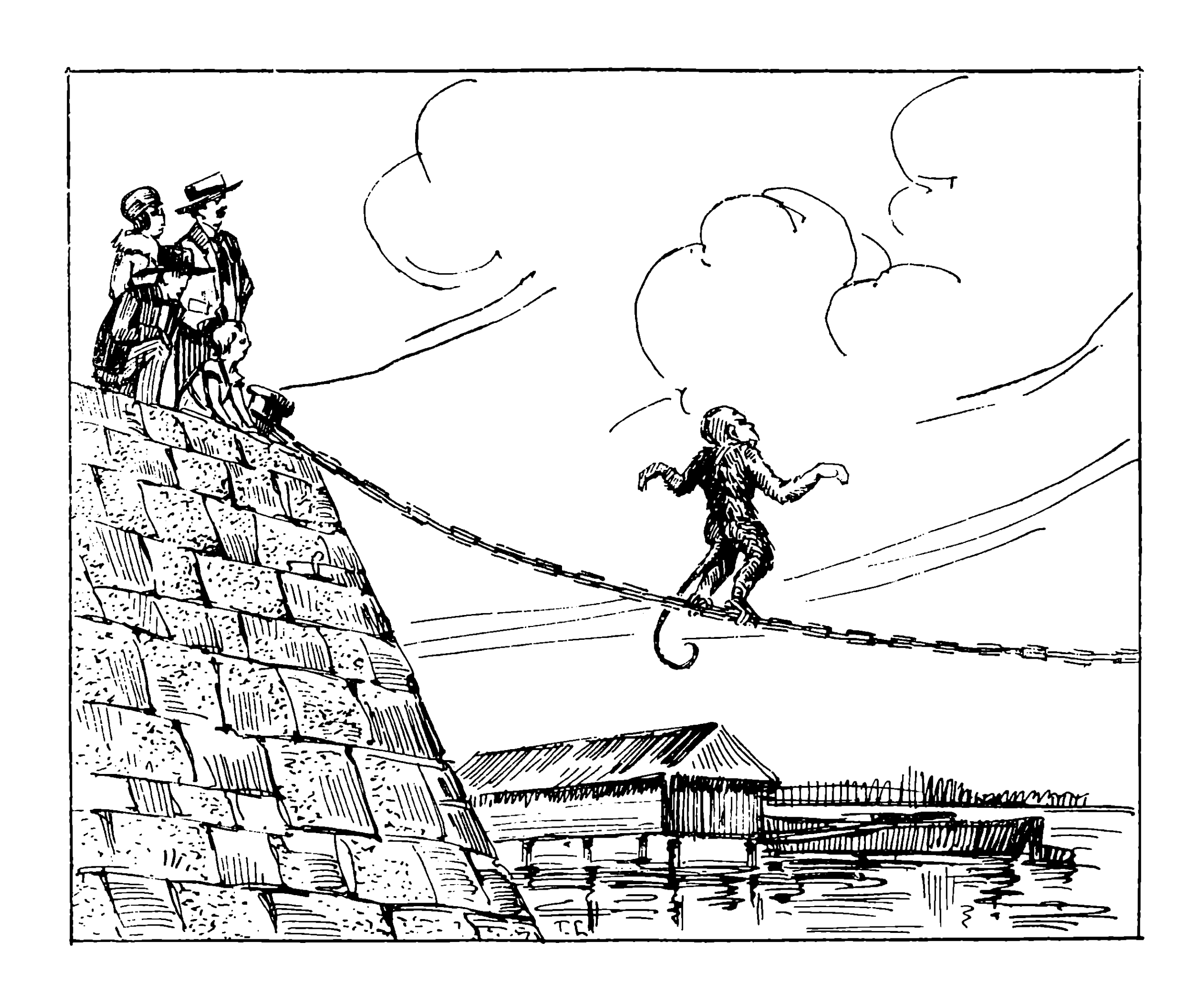
— Кто?

— Фифа!..

Полицейскіе посмотрѣли внизъ:

— Мальчикъ?

— Обезьяна...

Лиза объяснила имъ, что Фифѣ нуженъ былъ свѣжій воздухъ, его взяли погулять, а онъ такую штуку удралъ.

Полицейскіе подумали и посовѣтовали всѣмъ тихо сѣсть на

скамейку, Фифѣ надоѣстъ на цѣпи качаться и онъ къ нимъ самъ вернется.

И въ самомъ дѣлѣ: усѣлись, замолчали, а художникъ Левушка сталъ въ темнотѣ орѣхи щелкать... Не прошло и минуты, какъ мохнатая лапа осторожно полѣзла къ художнику въ карманъ, за орѣхами. Фифу поймали, объяснили ему, что порядочныя обезьяны такъ себя не ведутъ и понесли къ мосту. Онъ хотѣлъ было прыгнуть на велосипедъ городовому, но Лиза его пристыдила и Фифа успокоился.

Зато на мосту Фифа снова заупрямился и пожелалъ непремѣнно идти по периламъ. Что было дѣлать? Дядя Вася осторожно подхватилъ конецъ цѣпочки и шимпанзе, гордо задравъ голову и выворачивая лапы, побѣжалъ по круглымъ чугуннымъ периламъ съ такою увѣренностью, точно онъ всю жизнь такими дѣлами занимался.

У Лизы отъ страха ноги подгибались, а Фифа еще вокругъ себя на перилахъ дѣлалъ туры, словно вальсировалъ самъ съ собою на высотѣ надъ черною Сеною...

— Браво! — кричали на мосту встрѣчные мальчики. А ну-ка еще разъ, пожалуйста!..

Щелкали пальцами и обращались къ Лизѣ:

— А вы, мадемуазель, тоже такъ умѣете по периламъ ходить?

* * *

На углу въ кафе у въѣзда на мостъ рѣщили отдохнуть, — и люди устали и обезьяна устала.

Изъ предосторожности усѣлись за столикъ на улицѣ. Улица была многолюдная, да и обезьяна на воздухѣ не такъ волновалась, какъ въ ярко-освѣщенномъ залѣ на глазахъ у незнакомыхъ любопытныхъ людей.

Дядя Вася заказалъ себѣ пиво, художникъ Левушка горячаго краснаго вина. Фифѣ дали горсть орѣховъ, сиди только спокойно.

Но Фифу не такъ-то легко было провести. Мужчины пьютъ, а онъ будетъ орѣхи грызть!.. Шимпанзе натянулъ цѣпочку и сунулъ

носъ въ бокалъ дяди Васи: ухъ, какъ холодно и вкусно! Вотъ это такъ напитокъ...

Противная цѣпочка потянула Фифу назадъ, но онъ уперся и сталъ на своемъ обезяньемъ языкѣ пищать на всю улицу:

— Цвикъ! Хочу пить... Молоко? Не хочу молока! И дома оно у меня поперекъ горла стоитъ... Хочу желтаго и холоднаго!

Нечего дѣлать! Налили въ блюдечко пива, Фифа выпилъ, потребовалъ еще и выдулъ еще полное блюдце. Потомъ черезъ столъ полѣзъ къ художнику Левушкѣ: надо-же попробовать, что тотъ себѣ заказалъ.

Левушка налилъ Фифѣ въ блюдце глинтвейна. О, какая вкусная штучка. Фифа запрокидывалъ въ восторгѣ голову, пилъ глотокъ за глоткомъ, причмокивалъ языкомъ и закатывалъ глаза...

— Слушайте, не давайте ему больше, онъ напьется, — сказала Лизина мама.

Но Фифа и не просилъ больше. Просто запищалъ злобно на художника, отнялъ у него бокалъ съ теплымъ виномъ, половину расплескалъ, половину высосалъ... въ головѣ зашумѣло, — и пошла потѣха.

Съ сосѣднихъ столиковъ подошли любопытные дѣти, прохожіе останавливались.

А Фифа на мокромъ мраморномъ столикѣ попробовалъ было стать на голову, задралъ лапы кверху, — столикъ закачался, бокалы успѣли подхватить... Нѣтъ, не станешь, столъ скользкій, цѣпочка мѣшаетъ! Онъ прицѣлился и прыгнулъ къ остановившемуся передъ нимъ толстяку на жилетъ; едва дядя Вася успѣлъ расходившуюся обезьяну назадъ оттянуть.

Слугу, проходившаго мимо съ бокалами, Фифа хлопнулъ по спинѣ, потомъ соскочилъ на сосѣдній стулъ, вытянулъ заднюю лапку и выудилъ чужой зонтикъ. И когда отобрали зонтикъ сталъ кричать и прыгать, какъ пьяный уличный буянъ.

Потомъ онъ вздумалъ было полѣзть на полотняный навѣсъ, но цѣпочка опять его одернула назадъ... Фифа разсвирѣпѣлъ, прыгнулъ на земь и потянулъ за собой на цѣпочкѣ дядю Васю. У столиковъ на углу стояла тумба съ афишами; Фифа, выгибая спину, и скрежеща потущилъ за собой кругомъ тумбы дядю Васю.

Дядѣ Васѣ было ужасно неудобно и стыдно, вся улица смѣялась, но отпускать обезьяну было нельзя, — Богъ знаетъ, что она еще могла натворить... А пьяный шимпанзе посматривалъ уже на трамвайный столбъ. Бѣда! Взлѣзетъ на столбъ, хватится за проволоку лапой—капутъ!..

Левушка догадался, побѣжалъ за автомобилемъ, Лиза схватила маму за руку и испуганно запищала:

— Скорѣй-скорѣй уведемъ его! Я же не знала, что онъ такой пьяница...

Съ трудомъ усадили въ такси Фифу. По дорогѣ онъ ущипнулъ за ногу подвернувшагося мальчишку, укусилъ за палецъ дядю Васю, далъ затрещину шофферу, плюнулъ на Лизину шляпу, и только когда на него набросили непромокаемое пальто дяди Васи успокоился и уснулъ, свѣсивъ изъ пальто обезсилѣвшія лапы, словно дохлая кошка.

— Левушка, — шепнула Лиза, наклоняясь къ художнику — что-же теперь будетъ? Онъ теперь каждый день будетъ напиваться и скандалить?

— Положимъ... — усмѣхнулся Левушка. — На балконѣ не очень-то напьешься.

— А онъ не умретъ, Левушка?

— Ничего... Мы его сегодня въ ванной комнатѣ спать положимъ, валерьяновую пробочку понюхать дадимъ, все пройдетъ. А завтра ты его за дурное поведеніе носомъ въ уголъ поставь.

— Это васъ съ дядей Васей въ уголъ поставить надо, — вмѣшалась Лизина мама. — Зачѣмъ бѣдному звѣрю пить давали?

Левушка языкъ прикусилъ, да и дядя Вася въ отвѣтъ только крякнулъ.

А Фифа изъ подъ непромокаемаго пальто тоненько застоналъ: „цви-и!“ Очень ужъ у него, бѣдняги, голова кружилась.

Нервные слоны.

Миша принесъ газету, положилъ ее передо мной и молча ткнулъ пальцемъ въ удивившую его замѣтку.

Я прочелъ: Нью-Іоркъ (Нью-Джерсей). „Три слона и мышь“. „Три слона въ городскомъ циркѣ, смертельно испугавшись забравшейся въ клѣтку мыши, выломали стальныя прутья и въ паникѣ выбѣжали на улицу“. Прохожіе разбѣжались... Сбитая съ ногъ неповоротливая старуха растоптана... Въ лавкахъ съ грохотомъ спускались желѣзныя шторы... Цирковые служителя съ крикомъ и визгомъ бѣжали по слѣдамъ взбѣсившихся гигантовъ... Полицейскіе съ крикомъ и визгомъ бѣжали по слѣдамъ служителей... Пойманные слоны были съ трудомъ водворены на мѣсто и вечеромъ въ переполненномъ циркѣ давали обычное представленіе...

— Билеты на расхватъ? — спросилъ Мишка, задумчиво потершись кончикомъ носа о мой пиджакъ.

— Еще-бы!

— А вы, дядя Саша, боитесь мышей?

— Я-то? Ого! Пусть-ка сунетъ носъ въ мою комнату...

Мой отвѣтъ не нравится Мишѣ. Онъ разсѣянно смотритъ въ окно и — я не Шерлокъ Холмсъ, — но, ей Богу, я знаю, что ему представляется. Будто вечеръ и тишина. Будто я и онъ сидимъ въ

креслѣ (кресло, сверху я и сверху Миша) и читаемъ. И будто мышь осторожно просовываетъ изъ-за портьеры рыльце... Смотритъ на насъ, подбѣгаетъ ближе, нюхаетъ валяющуюся посреди комнаты пробку и тихонько пищитъ. Я подымаю голову, замѣчаю мышь и начинаю дрожать... съ головы до ногъ и съ ногъ до головы... Такъ сильно дрожу, что и кресло дрожитъ и письменный столъ, а стаканъ съ чаемъ на столѣ даже начинаетъ приплясывать. Стучатъ часы, стучитъ мое сердце, стучать мои зубы... И вдругъ я издаю пронзительный ревъ, Миша будто слетаетъ съ моихъ колѣней и кричитъ: „Стыдно, стыдно! Такой большой... Вѣдь я-же ни капельки не испугался!“ Но я, какъ взбѣсившійся слонъ, теряю всякій стыдъ, бросаюсь въ окно, пробиваю головой стекло и, высоко взбрасывая колѣнки, мчусь по мостовой навстрѣчу трамваямъ, такси и грузовикамъ. За мной „съ крикомъ и визгомъ“ мчится Миша и успокаиваетъ меня на ходу: „Дядя Саша, миленькій, у васъ отлетѣлъ каблукъ! Да остановитесь-же вы, чертъ побери, мышь сама испугалась и удрала изъ комнаты“... За Мишей по моимъ слѣдамъ мчится, неистово тявкая гудкомъ, пожарная команда шестнадцатаго парижскаго аррондисмана... Съ грохотомъ опускаются желѣзныя шторы... Разбуженныя консьержкины дѣти взволнованно кричатъ своимъ родителямъ: „Жилецъ изъ восьмого номера взбѣсился! — и выбѣгаютъ въ однѣхъ рубашенкахъ на улицу...

— И ты поймавъ меня, наконецъ, за лѣвую ногу, растягиваешься со мной на мостовой и крѣпко держишь меня, пока подъѣхавшіе пожарные не прикручиваютъ меня за локти къ складной лѣстницѣ?

— Да... Почему вы догадались? — Миша очень удивленъ и подозрительно на меня смотритъ. Если я вообще умѣю отгадывать мысли, то можетъ со мной и дружить опасно?..

Однако онъ скоро успокаивается, потому что голова его наполнена „тремя взбѣсившимися слонами и мышью“.

— Почему-же они, все-таки, испугались? Развѣ мыши питаются слонами? Развѣ мышь можетъ прогрызть слоновую кожу? Развѣ слонъ не можетъ ее втянуть въ себя хоботомъ? Фукъ! И готово... Какъ одуванчикъ.

Въ дверь тихонько входитъ младшая Мишина сестренка Валя. Кукла ея уснула, плюшевая обезьяна запропастилась неизвѣстно куда.

Картинки въ древней исторіи всѣ раскрашены. Поэтому ей скучно. Она садится у нашихъ ногъ на пузатую скамеечку и прислушивается.

— Анна Ивановна тоже смертельно боится мышей, — продол-

жаетъ Миша. — Но она нервная женщина... У слоновъ-же развѣ тоже есть нервы?

— Какая Анна Ивановна? — спрашиваю я.

— Ахъ, Боже мой! Берлинская. Мы жили въ комнатѣ номеръ пять, а она въ комнатѣ номеръ восемь. Напротивъ. И когда внезапная мышь появилась на столѣ и вдругъ понюхала ея очки, Анна Ивановна

потеряла сознаніе, бросилась въ корридоръ, съ крикомъ и визгомъ влетѣла къ намъ въ комнату, посадила къ себѣ на колѣни хозяйскаго кота и полчаса волновалась... Но слоны, дядя Саша? Почему они впадаютъ въ панику? Въ вашемъ энциклопедическомъ словарѣ ничего объ этомъ не говорится?

— Ничего, дружокъ. У меня словарь сокращенный. Но, давай подумаемъ... Допустимъ, что мы съ тобой и Валей мирно сидимъ за столомъ и играемъ въ подкидные дураки. Ты нагибаешься, чтобы поднять упавшую на полъ карту... и изъ-подъ карты вдругъ выскакиваетъ...

— Мышь? А я-бъ ее картой по усамъ!

— Погоди ты со своей мышью... Не мышь, а крохотный-прекрохотный человѣчекъ. Величиной съ чернаго таракана. Воображаю, какой-бы ты крикъ поднялъ! По ту сторону Сены было-бы слышно.

— Ничуть, ничуть... Я-бы ему сказалъ: О! Значитъ вы не только въ сказкахъ бываете, вы и на самомъ дѣлѣ? Вы гномъ? Но у васъ нѣтъ бороды. Значитъ вы мальчикъ-съ-пальчикъ? Очень пріятно. Хотите съ нами сыграть въ подкидные дураки? Познакомьтесь: это дядя Саша, а это сестра моя Валя. Хотите капельку сгущеннаго молока?

— Или кусочекъ засахаренной дыни? — вѣжливо предложила воображаемому человѣчку Валя.

— Постойте, дѣти... Вы вотъ какіе храбрые, но поймите и меня. Я-бы, напримѣръ, до смерти перепугался. Почему? Очень просто: всю жизнь видѣлъ настоящихъ людей, ростъ и все подходящее, привычное и вдругъ этакая каплюшка, ростомъ съ таракана, глазки, какъ бисеръ, носъ, какъ спичечная головка... Ужасно страшно!.. А мышь вѣдь тоже на миніатюрнаго слона похожа, только безъ хобота. Быть можетъ взрослый слонъ, самое большое сухопутное млекопитающееся, потому и приходитъ въ истерику при видѣ самаго маленькаго, похожаго на него млекопитающагося, что... не вѣритъ своимъ глазамъ, потому что...

Я запнулся и замолчалъ.

Дѣти переглянулись.

— Потому что... — ехидно повторилъ Миша.

— Оттого что... — повторила за нимъ Валя.

Я надулся. Слонъ я, что-ли? Объяснилъ, какъ умѣлъ, а не нравится, — объясняйте сами.

* * *

Валя букву за буквой по складамъ разобрала отмѣченную краснымъ Мишинымъ карандашомъ газетную замѣтку о трехъ слонахъ и лукаво поджавъ губки толкнула меня подъ локоть.

— Дядя Саша? А дядя Саша?

— Что?

— Дѣло вотъ въ чемъ. На чемъ стоятъ слоны за своей загородкой слонюшнѣ?

— Въ какой „слонюшнѣ“?

— Конь — въ конюшнѣ, слонъ — въ слонюшнѣ... Какой ты странный! На чемъ стоятъ слоны, я тебя спрашиваю?

— На соломѣ.

— Вотъ. Солома густая, мохнатая, непрозрачная. Хорошо. А что дѣлаютъ цирковые служителя передъ представленіемъ?

— Не знаю. Полъ подметаютъ. Разносятъ звѣрямъ кормъ... Мало-ли у нихъ дѣла.

— Вотъ. И я такъ думаю. Не то, чтобы служитель стоялъ передъ слоновой клѣткой и пристально смотрѣлъ въ бинокль слонамъ подъ ноги... А еслибъ и смотрѣлъ, ничего-бы онъ въ непрозрачной мохнатой соломѣ не примѣтилъ.

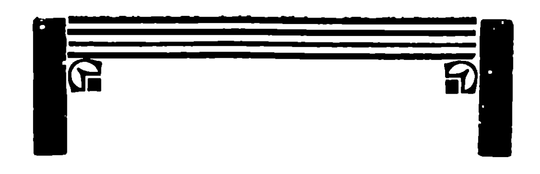
— Да ты это что за кружево плетешь?

— Не кружево, а чистая правда. Слоны взбѣсились, сломали стальные прутья, помчались по городу... Но кто-же, кто-же, дяденька Сашенька, могъ узнать п о ч е м у они взбѣсились?! Кто видѣлъ эту несчастную мышь? Или слоны, всѣ три сразу, когда успокоились, взяли служителя хоботами за пуговицу и сами ему разсказали? А можетъ быть это и не мышь была, а совсѣмъ другое? Просто слонамъ страшный сонъ приснился: будто ихъ привели въ колбасное заведеніе и хотятъ у нихъ хоботы отрѣзать на колбасы... Конечно, они возмутились и... взбѣсились. Представьте себѣ... Вдругъ-бы вы увидѣли во снѣ, будто у васъ уши хотятъ отрѣзать и сварить ихъ вмѣсто варениковъ.

— Ага! — сердито сказалъ я. — Страшный сонъ! Откуда-же тебѣ извѣстно, что слоны во снѣ видятъ? Да еще всѣ сразу — одинъ сонъ видятъ. Ишь, царь Соломонъ какой! Мышь ей не нравится, придумала колбасу изъ хобота и довольна. Брысь! Не хочу больше про нервныхъ слоновъ говорить.

— Потому что... — шепнулъ мнѣ на ухо Миша.

— Оттого что... — шепнула съ другой стороны Валя. — Оттого что... самъ ничего не знаетъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ACHEVÉ D'IMPRIMER
EN OCTOBRE 1978
PAR L'IMPRIMERIE DE
LA MANUTENTION
A MAYENNE
N° 6531

Книги на складе издательства "ЛЕВ"

I.	П. Жильяр	I3 лет при русском Дворе.
2.	Л. Норд	Маршал М.Н. Тухачевский.
3.	С. Черный	Солдатские сказки.
4.	С. Черный	Сатиры.
5.	С. Черный	Румяная книжка.
6.	С. Минцлов	За Мертвыми душами.
7.	Н. Лейкин	Где апельсины зреют.
8.	А. Блок	Последние дни императорской власти.
9.	С. Карачевцев	I200 анекдотов.